

Байки «скорой помощи»

Автор:

Андрей Шляхов

Записки из скорой помощи

Андрей Леонович Шляхов

Научно-популярная медицина (АСТ)

Подстанция «скорой помощи» в одном из спальных районов столицы. Одни сотрудники усердно трудятся в поте лица, помогая ближним своим, другие делают это не столь усердно, а третьи усиленно интригуют, пытаясь убрать со своего пути новую начальницу... Добро пожаловать на шестьдесят вторую подстанцию московской «скорой помощи»!

Андрей Шляхов

Записки из Скорой помощи»

Все события, описанные в этой книге, являются вымыслом автора, который очень старался, чтобы вымысел этот как можно больше походил на правду.

«Мы вернемся к месту нашей встречи,

Где возникли ласковые речи,

Где возникли чистые мечты...»

Игорь Северянин, «Мы вернемся...»

Жизнь на десять процентов состоит из того, что с нами происходит, и на девяносто процентов из того, как мы на это реагируем.

Станислав Лем

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог. Клятва врача

«Получая высокое звание врача и приступая к профессиональной деятельности, я торжественно клянусь:

- 1) честно исполнять свой врачебный долг, посвятить свои знания и умения предупреждению и лечению заболеваний, сохранению и укреплению здоровья человека;
- 2) быть всегда готовым оказать медицинскую помощь, хранить врачебную тайну, внимательно и заботливо относиться к больному, действовать исключительно в его интересах независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств;
- 3) проявлять высочайшее уважение к жизни человека, никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии;
- 4) хранить благодарность и уважение к своим учителям, быть требовательным и справедливым к своим ученикам, способствовать их профессиональному росту;
- 5) доброжелательно относиться к коллегам, обращаться к ним за помощью и советом, если этого требуют интересы больного, и самому никогда не отказывать коллегам в помощи и совете;

б) постоянно совершенствовать свое профессиональное мастерство, беречь и развивать благородные традиции медицины».

Глава первая. Новость

– А-а-а-а! – орал мужчина средних лет, картинно раскинувшийся на мокром асфальте. – Нога-а-а! Больно-о-о! О-о-о!

Около него прыгал стажер Эдик Старчинский. Тощий, высокий, похожий на гигантского кузнечика. Ощупал поврежденную конечность, высвободил из рукава кожаной куртки руку пострадавшего, быстро измерил давление, удовлетворенно кивнул лохматой головой, сунул тонометр в карман халата (синий форменный костюм долговязому новичку сестра-хозяйка в своих закромах подобрать не смогла, отправила заявку на Центр) и принялся внимательно разглядывать зрачки.

Пациент покорно ждал конца осмотра, время от времени спохватываясь и издавая очередной стон, проникновенности и трагизму которого позавидовал бы любой актер.

Глядя на них, Данилов вспомнил институтскую лекцию, посвященную принципам сортировки раненых.

– Запомните, доктора, – внушал студентам подполковник Таланкин, за пылкую страсть к этиловому спирту прозванный Спиртовкой. – В первую очередь помощь оказывается не тем, кто кричит и рыдает, а тем, кто делать это уже не в состоянии. Только так! Крикуны подождут, ничего с ними не случится, разве что охрипнут немного. Вы больше нужны тем, кто без сознания. Им помощь оказывается в первую очередь...

Даниловская бригада, прибыв на место аварии, так и поступила. Сам Данилов с фельдшером Верой Каликиной занялся водителем старой заслуженной «четверки», пока еще живым, но уже затихшим в предчувствии близкого конца, а врача – стажера Эдика отправил к единственному пассажиру, проклинавшему судьбу-злодейку на весь ночной Волгоградский проспект, пустынный и

безразличный.

– Твою мать, что делают, а? – раздалось за спиной Данилова.

Водитель Петрович принес носилки и выразил свое неодобрение произошедшим. Его можно понять – если бы его горемычный коллега не врезался бы на полном ходу в фонарный столб, то одиннадцатая бригада сейчас бы отдыхала на родной шестьдесят второй подстанции.

Скорее всего – не отдыхала бы, а мчалась на новый вызов. Это в седую лохматую старину, когда Петровича называли Колькой и среди водителей «скорой» он был одним из самых юных, ночью можно было и впрямь урвать пару-тройку часов для сна. А то и все шесть – если подстанция «спокойная», с тихим, слабо телефонизированным районом обслуживания. Там была благодать, тем более что в те времена свободные бригады посылались в помощь соседям редко, в самом крайнем случае, а не походя, как сейчас.

– Как-то раз, летом, вышел я на сутки с девяти часов, а первый вызов мы получили в семнадцать сорок, – вспоминал Петрович. – Скучали порой по вызовам, как сейчас по отдыху. Эх, бывали времена!

Так уж устроен человек. Ему всегда верится в лучшее.

Если бы... да кабы...

– Не переживай, Петрович, – отозвался Данилов, накладывая кровоостанавливающий жгут на левое бедро пострадавшего. – Сейчас полечим, отвезем в «кузницу здоровья», а там уже и до конца смены недалеко. Время работает на нас!

– Тьфу-тьфу! – суеверный Петрович трижды сплюнул через левое плечо.

В прошлую смену, в семь тридцать, за полчаса до окончания суточной смены, им дали вызов с поводом «ребенок три года, отравление таблетками». Повод из самых серьезных, на который мчатся пулей, с включенными сиреной и мигалкой. Счет идет на минуты, пока таблетки всасываются в детском желудке.

Трехлетняя девочка Арина проснулась утром первой, тихо вылезла из своей кровати и отправилась пробовать «конфетки», лежащие на бабушкиной тумбочке. Хорошо хоть начала свою «дегустацию» с относительно безвредного «аспаркама», препарата калия, обойдя своим вниманием «капотен» и нитросорбид, резко понижающие артериальное давление. Пока промывали желудок, да пока везли по забитой машинами Москве в детскую больницу, да пока вернулись обратно на подстанцию, на часах уже было без четверти два. Повезло, называется.

– В Америке, например, закон запрещает оставлять без присмотра детей до двенадцати лет! – сказала на обратном пути Вера, высовываясь в водительский отсек. – Там, наверное, не раскидывают таблетки где попало!

– Законы законами, а здравый смысл здравым смыслом, – вздохнул Данилов, проезжая мимо своего дома, где ему полагалось уже второй час отдыхать после дежурства...

Разрезанные по шву, чтобы можно было осмотреть рану, и намокшие от крови брюки пострадавшего нестерпимо воняли бензином. Скрючившись в три погибели, Данилов насколько возможно втиснулся в салон покорюженного автомобиля, убедился в том, что правая нога водителя ничем не зажата, что в салоне шину на сломанную левую ногу (открытый перелом костей голени) не наложить и что позвоночник у водителя вроде бы цел, а затем скомандовал:

– Достаем! Максимально плавно и осторожно! Без рывков!

– Плавали – знаем! – отвечает Петрович.

Дела были не так уж и плохи – несчастного водителя не зажало в салоне и дверцы открылись сразу же, с первой попытки, а то пришлось бы спасателей вызывать, чтобы вскрывали машину гигантскими ножницами, словно консервную банку. Бригада бы их дождалась, а вот дождался бы пострадавший – это еще бабушка надвое сказала. Опять же бензин в салоне – тут и до пожара недалеко.

Данилов подхватил вялое тело подмышки, Петрович синхронно взялся за ноги, а Вера развернула носилки так, чтобы им было удобнее.

Данилов с Петровичем осторожно положили пострадавшего на носилки. Плавно и нежно, как драгоценную антикварную вазу из хрупкого фарфора.

- О, господи! - вырывалось у Петровича.

В свете уличных фонарей он разглядел в полной красе голень пострадавшего, точнее не ногу, а бурое месиво, похожее на плохо провернутый фарш, из которого торчали наружу желтые обломки костей. Благодаря наложенному доктором жгуту, кровь уже не текла из раны, но все равно общее впечатление было сильным и весьма удручающим.

Данилова всегда удивляло то, что на рынке люди могут спокойно наблюдать за процессом рубки мясных туш, без содрогания перебирать куски мяса с костями и без, а вот вид открытой раны, да еще «с косточкой», чаще всего приводит их в шоковое состояние. Почему так? Сам он давно уже смотрел на все спокойно - то ли привык, то ли огрубел душой. Мясо и кости, как ни крути, остаются мясом и костями.

- А ты отвернись, - посоветовала Вера. - Твое дело на дорогу смотреть, а не на переломы.

Петрович, несмотря на более чем солидный стаж работы на «скорой», так и не смог до конца изжить в себе впечатлительность. Особенно его смущают «угольки» - пациенты с большими ожогами. Зрелище и впрямь не из приятных - обуглившиеся ошметки кожи, волдыри, заполненные мутной жидкостью, сочащиеся влагой ткани, лишившиеся своего защитного покрова... Этот своеобразный этюд в багрово-желтых тонах с примесью черного, обильно приправлен флюидами ужаса и боли, исходящими от пострадавших. В подобных случаях Петрович вооружается ватным тампоном, пропитанном нашатырем, и с его помощью спасается от обморока.

- Взяли, - негромко бросил Данилов.

Врач и водитель с носилками в руках почти бегом устремились к своей «ласточке» - белой машине, украшенной красными цифрами «03». Вера побежала за ними. За те секунды, которые ушли на то, чтобы запихнуть носилки в салон, она успела залезть в ящик и выдать Эдику шприц-пятерку, спиртовую салфетку и по одной ампуле анальгина и димедрола.

- Что там? - осведомился Данилов, заскакивая в салон следом за носилками.

- Ушиб коленного сустава! - ответил Эдик и добавил: - Повезло!

- Ему или тебе?! - не смогла удержаться от шутки Вера.

- Ему, ясное дело.

Эдик поспешил вернуться к пациенту.

- Эдик, ты его не отпускай! - крикнул Данилов вдогонку стажеру. - По любому надо госпитализировать.

Отказ от госпитализации при «авто» (так на «скорой» называют автомобильные аварии) обязательно вызовет недовольство у старшего врача Дмитрия Александровича Кочергина, которого за гадкий характер на подстанции прозвали Лжедмитрием. На утреннем совещании Лжедмитрий, поглаживая лысину, поправляя сползающие очки и теребя козлиную бородку, будет долго говорить об отсроченных осложнениях, врачебной самонадеянности и людском легкомыслии. Так, невзначай, можно и выговор огрести, и премии лишиться. Нет уж - никаких отказов от госпитализации и «я пойду домой». Сдать его в приемный покой - оттуда пусть домой и уходит. Скатертью дорога.

Привычными, тысячекратно отработанными движениями, Данилов засунул страдальцу в трахею пластиковую интубационную трубку, зафиксировал ее, надув ртом баллончик, кольцом эту самую трубку опоясывавший, и подключил к аппарату искусственной вентиляции легких, сокращенно ИВЛ, в режиме вспомогательной вентиляции. Теперь, если пациент забудет сделать очередной вдох, это возьмет на себя аппарат. Потому вентиляция и называется вспомогательной.

Вера тем временем укрепила на правом предплечье пациента манжету тонометра, измерила давление, поставила на левом предплечье катетер и наладила капельницу с полиглюкином, одним из так называемых «кровезамещающих» растворов, по физическим характеристикам весьма схожим с кровью.

– Восемьдесят на пятьдесят пять, – доложила она Данилову.

– Преднизолон!

Работая с опытным фельдшером, дозировки можно не указывать. Это удобно. Иметь в составе бригады опытного фельдшера вообще очень удобно. И к тому же приятно, если у фельдшера хороший характер и он не любит «стучать» начальству. Вера Каликина отвечала всем требованиям, и Данилов постоянно работал с ней в одной бригаде уже третий год.

В машине работать тесно, но все привыкшие. Быстро, но без суеты Данилов и Вера делали свое дело. Через несколько минут артериальное давление пациента немного поднялось и стабилизировалось.

Теперь настало время заняться сломанной ногой. Данилов, насколько возможно в «полевых условиях», обработал рану, извлекая пинцетом осколки костей, а Вера наложила на нее стерильную, иначе говоря – асептическую повязку. Затем они приложили к пострадавшей конечности шину и осторожно, но туго прибинтовали ее в трех местах. Теперь пациента можно транспортировать.

Главное – правильная очередность действий. Умный отличается от дурака знанием того, что надо делать сначала и что – потом. Дурак, а среди врачей такие попадаются так же часто, как и среди представителей других специальностей, начал бы шинировать ногу еще на улице, возле машины и непременно бы «потерял» пациента, умершего как раз к окончанию манипуляции.

К этому времени пациент Эдика оклемался настолько, что в сопровождении доктора подошел к машине «на своих двоих». Шел он хорошо – прихрамывал, но не шатался.

– Будем на себя вторую машину вызывать? – поинтересовался Эдик.

Так вообще-то положено. Один больной – одна бригада. Правда, вызови Данилов «на себя» в подобной ситуации кого-нибудь из коллег, он надолго стал бы для них посмешищем, требующим «усиления» для госпитализации «сидячего» амбулаторного больного. Другое дело, если бы и второй пострадавший был бы так же плох, как и первый – тогда без помощи коллег было не обойтись.

- Зачем? – в очередной раз измеряя «своему» пациенту давление, удивился Данилов. – Доедет с нами. Какой ставишь диагноз?

- Ушиб правого коленного сустава...

- Алкогольное опьянение, – добавляет Вера, принявшись к «выхлопу» от «ушибленного», доносящемуся через открытую дверь салона.

- Поедет сидя, – Данилов покрутил колесико на трубке капельницы, слегка замедляя течение полиглюкина.

- А может, я лучше домой? – предположил мужик, всем своим бравым видом демонстрируя, что он здоров и получасом раньше умирающего лебедя на асфальте изображал кто-то другой.

- В больницу! – твердо ответил Данилов.

- Домой, а? – заканючил мужик, не торопясь усаживаться в салон. – Пешочком. Я тут недалеко живу...

- У нас один сосед вот так пришел домой после аварии, – вступает в разговор Петрович. – Пешочком, не торопясь, по холодку, чтобы солнышко голову не напекло...

Все истории Петровича имеют один и тот же конец. Фатально-летальный.

- И что? – вскинулся мужик, ошибочно видя в Петровиче союзника.

- Ничего... – Петрович невозмутим. – Умылся, перекусил, лег отдохнуть и помер. Субарахноидальное кровоизлияние. Тридцать восемь лет дураку было. Жена, двое детей. Теперь вдова и двое сирот. Тебе-то сколько?

- Сорок один.

- Дети есть?

– Дочка.

– Ну и решай, что делать. Каждый сам выбирает, где ему помирать...

Пациент Эдика молча залез в салон и устроился на заднем боковом сиденье, именуемом на «скорой» «креслом для сопровождающих». Обычно на нем едут родственники или друзья больного. Эдик уселся на единственное, оставшееся свободным место – рядом с водителем, и обернулся к Данилову.

– Запрашивай место, – протягивая ему свой «наладонник», сказал Данилов. – Мужчина сорока лет, че-эм-тэ, открытый перелом правой голени, кома и второго не забудь... да, и обрати внимание, чтобы места в одном стационаре дали!

Человеку свойственно ошибаться, говорили древние. Тем более – на Центре. Тем более – под конец смены. Вполне можно «не включить мозги» и дать «тяжелому» место в реанимации сто шестьдесят восьмой больницы, а «легкого» отправить в Первую градскую. Бывали прецеденты...

«Легкий» больной с любопытством оглядел убранство салона, стараясь не смотреть на манипуляции врача и фельдшера с его собратом по несчастью, и вдруг начал блевать. Блевал он обстоятельно, обильно, при этом деликатно пытаясь прикрыть рот обеими руками.

– Фу, не мог на улице... – поморщилась Вера.

– Ты б хоть окно открыл! – взревел Петрович.

– Эдик! Добавь своему пациенту сотрясение головного мозга средней тяжести, – подсказал Данилов.

– Есть, сэр! – откликнулся Эдик и тотчас же, устыдившись своей фамильярности, добавил: – Хорошо, Владимир Александрович.

Эдик уже третью смену стажировался в бригаде. Данилову он нравился. Толковый парень, знающий, вроде бы не вредный. Эдик имел все шансы стать нормальным врачом. Лет через несколько...

– Извините, пожалуйста, – смутился пациент, наконец-то закончив блевать. – У вас тряпка есть? Я подотру...

– Чего уж там, – свеликодушничала Вера, – дело житейское. Вы лучше скажите, как зовут вашего товарища.

– Он мне не товарищ, – пытаюсь привести себя в порядок при помощи носового платка, ответил тот. – Мы не знакомы. Он подрядился меня домой довести и вот – довез, называется...

И после небольшой паузы, как-то совсем по-детски спросил:

– Можно выйти? Отряхнуться хотя бы...

– «Кузницу здоровья» дали, – доложил Эдик, возвращая Данилову «наладонник». – Сто шестьдесят восьмую.

Подобно всем новичкам, он тут же впитал в себя профессиональный жаргон и то и дело пользовался им, стараясь походить на бывалого «скоропомощника». Оксиду-тират натрия называет «Оксаной», магнезию – «магнолией», инфаркт миокарда – «Иваном Михайловичем»...

– В стационаре отряхнешься! – крикнул пациенту Петрович. – Через три минуты!

Петрович повернул ключ зажигания, нажал на педаль газа и плавно тронул машину с места.

– С Метастазом полчаса бы ехали, – Вера отодвинула оконное стекло, впуская в салон свежий воздух.

– Да уж, – согласился Данилов, прощупывая пульсацию сонной артерии на шее лежащего на носилках пациента.

Метастаз, по паспорту Георгий Иванович Ольшевский – худший из водителей шестьдесят второй подстанции. Он не любит мыться, но любит медленную езду со скоростью двадцать – тридцать километров в час. Со включенной светомузыкой – мигалкой и сиренами – Метастаз способен выжать из машины

все сорок километров. В то же время он незлобив, ездит без аварий и безотказно выходит на замену в свой выходной, поэтому его и терпят.

Перемерив давление, Вера доложила:

– Девяносто пять на шестьдесят пять.

– Пациент определенно более жив, чем мертв. Пустячок, а приятно, – улыбнулся Данилов.

По прибытии в сто шестьдесят восьмую больницу, в то время, пока машина ехала по территории, Данилов, выполняя требования инструкции, достал наладонник и нажал на нем кнопку, извещая диспетчера своей подстанции о прибытии в стационар. Когда машина остановилась, бригада разделилась надвое. Данилов и Вера выгрузили носилки с пострадавшим из салона, водрузили их на каталку и повезли «свой кадр» напрямик в реанимацию, минуя приемный покой, куда повел «своего» пациента Эдик. Петрович же остался «наводить порядок» в салоне.

В реанимации дежурил знакомый Данилову доктор.

– Как дежурство? – спросил он, беря карту вызова и расписываясь в приеме больного.

– Так себе, – пожал плечами Данилов.

– У нас тоже, – мотнул головой реаниматолог. – Три покойника, два кандидата, пять поступлений. Ваш – шестой.

– Покой нам только снится, – посочувствовал Данилов.

– Помотался бы как мы, – высказалась Вера на обратном пути. – Вообще не понимаю, как сидя на одном месте можно уставать на работе?

– Поработай в стационаре – поймешь! – посоветовал Данилов. – Везде свои сложности. Не забывай, что мы всегда имеем дело с одним больным, ну иногда, как сегодня, с двумя, а у них на двух врачей лежит от двенадцати до

шестнадцати потенциальных «жмури-ков». Порой не надвое, а на четыре части разрываться приходится. Потом – мы сдали больного и можем по пути на следующий вызов немного расслабиться, тоже плюс... И вообще – хорошо там, где нас нет.

– Это точно! – согласилась Вера. – Тем более нам, фельдшерам, кроме «скорой», и деться-то некуда. Не в медсестры же идти!

На улице Данилова с Верой ждал один Петрович. Уже покончивший с уборкой, он стоял возле своей распахнутой дверцы и с наслаждением курил.

Завидев свою бригаду, Петрович подскочил к задку машины и, распахнув настежь «задний проход», помог убрать носилки в салон.

– А где стажер? – спросила Вера, берясь за ручки опустевшей каталки, чтобы отвезти ее в тамбур приемного отделения.

– Еще не возвращался, – ответил Петрович. – Молодой еще, пока освоится.

– Наверно любезничает с кем-нибудь из девчонок, – предположила Вера. – Пойду шугану...

Она докатила каталку до входа, привычно вначале нажала на ручки каталки, а затем приподняла их, помогая своему «транспортному средству» перевалить через высокий порог приемного отделения, и скрылась за дверями, чтобы, спустя несколько секунд, высунуться из них и поманить рукой Данилова.

По озабоченному лицу Веры тот понял, что стряслось нечто неприятное, и поспешил в приемное, чувствуя, как в висках зарождается пульсирующая боль.

В приемном, при виде Эдика, пререкающегося с лысым мужчиной лет пятидесяти с круглым, скуластым лицом и узенькими щелочками глаз, Данилов обреченно вздохнул и почувствовал, что боль превратилась в обруч, безжалостно сдавливающий голову.

Причина для расстройства была основательной. Собеседником Эдика оказался известный на всю московскую «скорую» Соловей-разбойник – врач линейного

контроля Соловьев, встреча с которым всегда заканчивалась для любой бригады плачевно, если не фатально. Как минимум – строгим выговором с лишением премии на год, а зачастую – и увольнением. Повсюду и везде Соловьев находил нарушения, сладострастно и безжалостно фиксировал их и всячески пытался раздуть при этом из мухи слона. Подобному служебному рвению имелось объяснение. Поговаривали, что Соловьев метит на место Сыроежкина, всесильного заместителя главного врача Станции скорой и неотложной помощи города Москвы, и оттого-то пытается выслужиться, роя носом землю. Данилов в эту версию не верил, считая Соловьева обычной закомплексованной сволочью, дорвавшейся до места, на котором можно безнаказанно и с пользой для себя издеваться над людьми.

В случае с Эдиком Соловьеву не пришлось долго искать нарушений. Налицо было целых два – отсутствие форменной одежды и транспортировка пострадавшего из машины «скорой помощи» в приемное отделение своим ходом. При диагнозе «Сотрясение головного мозга. Ушиб правого коленного сустава» подобный способ транспортировки грозил немалыми осложнениями.

Превозмогая головную боль, Данилов изобразил на лице великую радость и (чем черт не шутит – вдруг удастся «отмазать» стажера) устремился к Соловьеву.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич! – еще издали начал он. – Полностью разделяю ваше негодование, но молодой человек всего лишь третьи сутки работает на «скорой» и ему еще не подобрали одежду по размеру. Согласитесь, что он в этом не виноват.

– Здравствуйте, – холодно кивнул Соловьев. – Третьи сутки – это хорошо. Так и запишем – систематически нарушает форму одежды.

Он черкнул дорогой чернильной ручкой (Соловьев был фронт) в маленьком блокнотике, который терялся в его широкой, похожей на лопату ладони, и оттого казалось, что Соловьев пишет прямо на своей руке.

– А вы – его, с позволения сказать, наставник? – испытующе посмотрев на Данилова, скривился Соловьев. – Фамилия?

– Доктор Данилов, бригада шестьдесят два – одиннадцать.

– Угу, – новый взмах ручки был вполтину короче прежнего. – Доктор Данилов. Помню вас. Вы, кажется не первый год работаете на «скорой помощи»?

– Десять лет...

– Десять лет. Солидный стаж. И вы допустили, чтобы ваш стажер транспортировал тяжелого больного своим ходом? Как вы могли? Десять лет ведь работаете. Впрочем, есть такая поговорка: «Можно всю жизнь есть картошку, но так и не стать ботаником». Это сказано про вас?

Данилов прикинул, что неплохо бы было дать Соловьеву в челюсть, а когда он упадет, для остротки добавить разок ногой по ребрам. От милой сердцу картины, родившейся в воображении, головная боль немного утихла.

– Я сам так решил! – подал голос Эдик, но не был услышан.

Данилов молчал. Он терпеть не мог выволочек, особенно прилюдных – посреди многолюдного, несмотря на ночное время, коридора приемного отделения. Провинился – наказывай, а мораль читать незачем.

Но была еще крошечная, малюсенькая надежда, что выплеснув свой негатив, Соловьев примет во внимание стажерство Эдика и решит ограничиться устным выговором. Письменные же последствия могли стать для Эдика поистине фатальными, так как подобно всем новым сотрудникам «скорой помощи», он был принят на работу с трехмесячным испытательным сроком и после «телеги» от линейного контроля его попросту уволили бы по инициативе администрации. С позором и соответствующей записью в трудовой книжке.

– Это я допустил, чтобы он отвел больного пешком, – вздохнул Данилов. – Признаю свою ошибку...

– Это неправда! – завелся Эдик. – Я сам так решил! Вас в этот момент не было в машине – вы повезли больного в реанимацию!

– Bravo! – крикнули вдруг с ближайшей скамейки.

Соловьев тотчас же обернулся на крик и сник, увидев, что кричал не медицинский работник, а посторонний мужчина, одетый в не первой свежести спортивный костюм – то ли больной, то ли чей-то родственник.

– Давайте перестанем играть в «Трех мушкетеров»! – потребовал Соловьев и, идя совсем уж вразрез с логикой, добавил: – Здесь вам не детский сад!

Данилов молча кивнул и, улучив момент, незаметно для линейного контролера скорчил Эдику страшную рожу, призывая его во что бы то ни стало хранить молчание.

– Ну и что мне прикажете делать? – спросил Соловей-разбойник, переводя взгляд с одного виновного на другого. – Что?

«Убей себя об стену, паскуда!» – чуть не вырвалось у Данилова, но он вовремя взял себя в руки.

– Так уж и быть – оставлю все без последствий, – чудесным образом подобрел линейный контролер. – Нехорошо омрачать человеку первый день работы на новом месте...

Если бы Данилов увидел волка и ягненка, пасущихся вместе, и льва, поедающего солому, то он удивился бы этому зрелищу куда меньше, чем чудесному преобразению Соловьева.

– Третий! – машинально поправил Эдик.

– Что – третий? – брови Соловьева, разделенные значительным расстоянием, начали движение к переносице.

Данилов безуспешно попытался испепелить неугомонного стажера взглядом.

– Я работаю не первый день, а третий, – Эдик застенчиво улыбнулся. – Точнее – третьи сутки...

– Какая разница, – снова скривился Соловьев. – Ступайте работать и больше не нарушайте инструкций.

– Спасибо, Алексей Николаевич, – поблагодарил Данилов, но контролер уже был у самых дверей, ведущих на улицу, и на благодарность никак не отреагировал.

Данилов снова полез за наладонником, нажал на нем клавишу, и на экране загорелось надпись «бригада свободна».

– Обошлось, слава богу, – выдохнула за спиной Данилова Вера.

Она посмотрела на Эдика, покачала головой и предупредила:

– Теперь ты должен проставиться Владимиру Александровичу. Он тебя, можно сказать, от увольнения спас.

– Да я хоть сейчас! – взвился радостный Эдик. – Давайте в круглосуточный супермаркет заскочим... Вы что предпочитаете, Владимир Александрович?

– Я предпочитаю спокойно и без геморроев доработать до конца смены, – сказал Данилов. – Затем прийти домой, съесть горячую яичницу с помидорами, выпить кофе и лечь спать...

Коммуникатор, который он продолжал держать в руке, мелодично тренькнул. Прежде чем поднести прибор к уху, Данилов машинально взглянул на экран – вызывала диспетчер подстанции.

– Шестьдесят два – одиннадцать слушает.

– Возвращайтесь, – слышался голос диспетчера Сиротиной. – Пока все тихо.

– Спасибо, Люсь, – Данилов убрал наладонник и сообщил Вере с Эдиком: – Едем домой!

– Можно и ужин взять по прибытии! – предложил Эдик, залезая в салон, вслед за Верой.

Данилов предпочитал ехать впереди. И черт с ним, с «высокой аварийной опасностью» переднего места, зато видно все хорошо. Ему нравилось глазеть по

сторонам. Это при транспортировке больного врач должен ехать в салоне, когда же больных в машине нет, можно ехать, где хочется.

– Зачем? – пожалала худенькими плечами Вера. – Ешь так. Успеешь – твое счастье. Не успеешь – и с ужина снимут если что.

Каждой суточной бригаде полагаются два оплачиваемых получасовых перерыва для приема пищи – на обед и на ужин. Взять их можно только с разрешения диспетчера, и тот же диспетчер вправе «снять» бригаду с ужина или обеда при поступлении нового вызова. Особенно – если повод серьезный. Недели две назад, еще до появления на подстанции Эдика, Данилова экстренно сняли с обеда и отправили на вызов со страшно звучащим поводом «ребенок два года, ранение горла крючком». Пока ехали – строили всей бригадой предположения, на тему: «Как можно поранить горло ребенку крючком?»

Вера высказала мнение, что крючок – вязальный, который недалекая бабушка не удосужилась спрятать от малютки. Данилову же виделся крючок дверной, который шустрому ребенку вздумалось попробовать «на зубок». Петрович же настаивал на крючках рыболовных. По его мнению, ребенок добрался до папиных рыболовных снастей и методично лопал крючки, до тех пор, пока один из них не застрял у него в горле...

Жизнь опровергла все предположения разом. На самом деле непоседливая девочка Зоя нашла себе новое занятие – стала играть с обычной пластмассовой вешалкой для одежды, а мамаша, не очень умная в силу юного возраста и плохой наследственности (кроме девочки Зои все остальные члены семьи – мать, ее сестра, бабушка и дедушка – были отмечены печатью огромной любви к зеленому змию), резко дернула вешалку на себя, желая отобрать ее, как раз в тот момент, когда крошка засунула в рот крюк. Крюк был гладким и совершенно безопасным, но, столь внезапно лишившись интересной игрушки, девочка Зоя с горя расплакалась. Мама тотчас же решила, что она поранила дочери горло – при чем тут горло, если крюк был во рту? – и бросилась набирать «ноль три».

Данилов внимательно осмотрел девочку, для надежности даже пошуровав у нее во рту стерильным ватным тампоном, но никаких ран и следов кровотечения не нашел и с чистым сердцем оставил девочку дома, за что на завтра получил нахлобучку от Лжедмитрия:

– Если от родственников поступит жалоба, вам не поздоровится, Владимир Александрович! Не будучи квалифицированным оториноларингологом и, тем более, не будучи педиатром вообще, – старший врач многозначительно поднял кверху толстый палец с холеным ногтем, – вы не вправе оставлять дома больную с подобным диагнозом.

Бесполезно было спрашивать, почему же тогда его, не педиатра, отправили на детский вызов – запросто можно нарваться на получасовую нудную лекцию о врачебном долге, а время уже было своим собственным, ведь дежурство закончилось сорок минут назад.

– Впредь, Дмитрий Александрович, я не оставляю подобную больную дома, можете быть уверены, – пообещал он. – Госпитализирую в убедительно-принудительном порядке.

– Хотелось бы, – буркнул старший врач и напомнил, что в случае, если отказ от госпитализации угрожает жизни ребенка, бригада вправе вызвать для содействия милицию (можно подумать, что Данилов не знал этого!), и отпустил Данилова восвояси, то есть домой...

Дежурство закончилось хорошо – вовремя и спокойно. По возвращении на подстанцию удалось отдохнуть от машины целых двадцать минут. Затем разок съездили в соседний район, чтобы полечить старушку от гипертонического криза, не заезжая на подстанцию, отвезли в хирургию парнишку с аппендицитом, после чего были отправлены к станции метро «Рязанский проспект», чтобы спасти мужчину, что посинел и задыхается прямо на улице, но по сообщению хохлушки, торговки цветами, которая и вызвала «скорую», за пять минут до их прибытия бригады на место, мужчина прекратил задыхаться и синеть, и ушел в неизвестном направлении.

– Дура! – в сердцах бросил Эдик уже в машине.

– А если бы тебя в Капотню на помощь услали бы – было бы лучше? – вступился за смазливую продавщицу Петрович, отличавшийся большой слабостью к женскому полу. – Да госпитализировать пришлось бы на другой край Москвы... а так – съездили, отметились и все в порядке. Время семь сорок пять, скоро – смене конец.

– Утром целый час никто не даст прохладиться на подстанции, – подтвердила Вера. – Непременно ушли куда-нибудь...

– Да я разве против? – сник Эдик. – Я же понимаю...

Утренняя конференция, против ожидания, оказалась интересной.

Во-первых, тем, что на ней присутствовал сам Прыгунов, заведующий соседней, шестьдесят четвертой подстанцией, и, по совместительству, директор региональной зоны, иначе говоря – объединения из нескольких подстанций, расположенных бок о бок друг с другом. Да присутствовал не один, а вместе с Еленой Новицкой, своим старшим врачом, с которой Данилов когда-то не только вместе учился в Медицинском Университете, бывшем втором «меде», но и крутил страстный роман, закончившийся тем, что Новицкая, тогда еще Морозова, к великой радости даниловской мамы, цепеневающей при мысли о возможной женитьбе «ее Володечки» на «алчной лимитчице», вышла замуж за другого.

Во-вторых, на конференции не было Тюленя, заведующего подстанцией Дениса Олеговича Тюленькова. Вчера утром он был вызван «на ковер» в Центр, к Сыроежкину, и с тех пор на подстанции не появлялся.

В-третьих, Лжедмитрий, сидевший по правую руку от Прыгунова, имел вид весьма унылый, хотя обычно в присутствии руководства он держался бодро и энергично.

– Что-то будет! – сказал в пространство врач с многообещающей фамилией Могила, усаживаясь на стул позади Данилова.

Конференции проводились в самом большом помещении шестьдесят второй подстанции – в комнате отдыха фельдшеров.

– Что-то всегда происходит, Леша, – ответил Данилов, с любопытством разглядывая Новицкую.

Ему почему-то было приятно прийти к выводу, что она хорошо выглядит. Не хуже, чем в институте, разве что под глазами легли тени... Или это от освещения? «Должно быть – от освещения», – решил Данилов.

Ровно в восемь пятнадцать Прыгунов поднялся со своего стула и объявил:

– Дорогие коллеги! Хочу сообщить вам о том, что Денис Олегович вчера попросил уволить его по собственному желанию, и эта просьба была удовлетворена.

Аудитория зашумела. Большая часть ее была преисполнена сочувствия к Тюленю. Денис Олегович был начальником флегматичным, снисходительным и не очень требовательным.

– Человеку свойственно ошибаться, – было его любимой присказкой.

Выждав с минуту, словно давая сотрудникам подстанции возможность свыкнуться с потерей, Прыгунов поднял руку, призывая к тишине.

Новым заведующим подстанцией назначена Елена Сергеевна Новицкая, ранее работавшая в должности старшего врача шестьдесят четвертой подстанции.

– Из молодых – да ранняя! – раздался голос фельдшера Малышкова.

Малышков дорабатывал полгода до пенсии и, естественно, никого не боялся. Напротив – его боялось начальство и предпочитало не связываться, так как оба сына Малышкова были адвокатами, готовыми засудить весь белый свет, защищая родного папашу.

– Не тебе судить, старый хрыч! – оборвала Малышкова старший фельдшер Надежда Казначеева. – Давайте лучше поприветствуем новое руководство.

С деланным энтузиазмом Казначеева захлопала в ладоши, но ее аплодисменты, не встретив поддержки, тут же увяли.

– Так вот кому не хотел портить первый день Соловьев, – шепнул Данилов, сидящей рядом с ним Вере.

– Новое начальство – это стихийное бедствие, – ответила Вера.

Глава вторая. Новая метла

– Нет, скажите мне – почему сантехника нужно ждать в течение целого дня, заказанную и оплаченную мебель везут неделями, а мы должны прибывать на место за пятнадцать минут? И по каким поводам – «таблеточки закончились» да «в спину стрельнуло»...

От визгливого, какого-то «наждачного» голоса доктора Бондаря у Данилова всегда начинала болеть голова. Поэтому он не стал задерживаться в диспетчерской. Поздоровался со всеми, получил от сменяемого доктора Федулаева наладонник и железную коробочку с «наркотой», расписался во всех журналах, число которых неотвратимо приближалось к двадцати, и направился на кухню – выпить чашку кофе, если удастся. За ним увязался Эдик, еще не вписавшийся в коллектив.

– Виктор Георгиевич прав, мы действительно большую часть времени работаем вхолостую, – начал Эдик, явно подготовившись ко всестороннему обсуждению проблемы.

Оба чайника оказались пустыми – предыдущая смена выдула весь кипяток и не позаботилась о тех, кто должен прийти. Данилов решил обойтись без кофе. Пока вскипятишь воду заново – начнется утренняя конференция или получишь вызов.

– Пошли в фельдшерскую, – сказал он Эдику. – И старайся поменьше слушать Виктора Георгиевича. На серьезных вызовах он теряется от непонимания и незнания, передавая всю инициативу фельдшерам. Пустые поводы, где ничего не надо делать – это как раз для него. По Бондарю все болезни происходят от употребления жареной картошки, даже сифилис.

– Да ну? – удивился Эдик.

– Истинная правда! Попросись у Дениса Олего... у новой заведующей, чтобы посадила тебя на сутки к Бондарю – такого насмотришься! На книгу хватит...

– Нет уж, Владимир Александрович, – твердо ответил стажер. – Я лучше с вами...

Конференцию открыла Новицкая.

– Я три дня наблюдала за тем, как происходит сдача-прием смены, – без предисловий начала она. – За все это время никто из сотрудников не пересчитывал и не проверял ничего, кроме ампул с наркотическими препаратами. Ни разу не были проверены ящики, не говоря уже о машинах...

– Мы доверяем друг другу! – с пафосом выкрикнул Бондарь.

– Желаящие высказаться смогут сделать это после того, как я закончу. – В голосе заведующей отчетливо зазвучал металл. – Прошу одиннадцатую, двенадцатую, четырнадцатую и шестнадцатую бригады принести сюда ящики для проверки. Прямо сейчас.

Четверо сотрудников, в числе которых была и Вера, поднялись со своих мест и направились к выходу.

– А пока несут ящики, я хотела бы узнать мнение Дмитрия Александровича по этому поводу. Прошу вас...

Красный как рак, старший врач встал, оглядел собравшихся, словно ища у них поддержки, и сказал:

– Вы правы, Елена Сергеевна, это никуда не годится. Я лично займусь...

– Да уж, пожалуйста, – заведующая кивком показала Лжедмитрию, что он может сесть. Тот покраснел еще больше, но остался стоять на ногах.

– Понимаете ли, Елена Сергеевна, специфика нашей работы такова...

В помещение вернулись посланные за ящиками.

– Я знаю специфику «скорой помощи», Дмитрий Александрович, – улыбнулась Новицкая. – Бывает, что за вызовами нет времени на проверку, но сегодня пока еще не было ни одного вызова...

В кармане у Данилова раздалась мелодичная трель, и одновременно из динамика, укрепленного под потолком грянуло:

– Шестьдесят два – одиннадцать – вызов! Одиннадцатая бригада – вызов!

Все как положено – стоит только сказать, что сегодня не было ни одного вызова, не постучав при этом по дереву, как вызова посыплется сразу же.

– А зачем объявлять по селектору? – поинтересовался Эдик. – Ведь есть же коммуникатор.

– Чтобы мне не бегать по подстанции, собирая бригаду. Наладонник – один, а нас – четверо.

– Пронесло! – обрадованно сказала Вера, закидывая ящик в машину. – Чует мое сердце, она и машины проверять полезет. Послал же бог начальство...

Тут Вера осеклась, помолчала секунду-другую и, решившись, спросила:

– Владимир Александрович, а правду говорят, что вы с Еленой Сергеевной вместе в институте учились и даже... дружили?

– Правду, – коротко и несколько суховато ответил Данилов, удивляясь про себя Вериней осведомленности.

Он никогда никому не рассказывал про свои отношения с Еленой, да и вообще никогда не говорил о ней ни с кем на подстанции. Данилов вообще не любил вспоминать прошлое. Хватало ему маминых причитаний по поводу музыкальной школы, которую сын окончил с отличием и консерватории, поступать в которую он наотрез отказался.

Понятливая Вера тут же перевела разговор на другую тему.

– Мужчина, тридцать пять лет, плохо с сердцем... – с выражением прочитала она повод к вызову на карточке. – Стопудово – похмельный синдром! И время самое то – утро, пора на работу идти.

– Скорее всего, – согласился Данилов. – Впрочем – инфаркты в последние годы сильно помолодели.

– А правду говорят, – вступил в ученый разговор Петрович, – что после инфаркта с этим делом нелады начинаются?

– Кто о чем – а вшивый о бане! – фыркнула Вера. – У тебя, Петрович, неладов с этим делом и после смерти не будет!

– Кому оно нужно – после смерти? – резонно возразил Петрович, сворачивая на Андижанскую улицу. – Который дом там?

– Сорок второй, первый подъезд, – ответил Данилов.

– Знакомый адрес... – наморщил лоб Петрович.

– Бабка Духанова! – напомнила из салона Вера. – Зинаида Аристарховна...

– Точно! – оживился Петрович. – Что-то давно она не вызывала.

– С весны в стационаре торчит. Скоро, наверное, выпустят.

Старуха Духанова была одним из «наказаний» шестьдесят второй подстанции, одним из ее «крестов». С утра она скандалила с соседями, обвиняя их в том, что они «травят несчастную женщину ядовитым газом», закачивая этот самый газ в квартиру Духановой по электрическим проводам.

Затем Зинаида Аристарховна обновляла в розетках по всей квартире бумажные затычки, обедала и ложилась спать. Выспавшись как следует, к полуночи она начинала скучать. Израненная в единоборстве с соседями душа бывшей заведующей продуктовым магазином требовала общения, понимания, сострадания, каковое можно было обрести одним-единственным способом – набрать на телефоне две заветные цифры, ноль и троечку.

Поводы ушлая Духанова заявляла самые «скоропомощные»: «Задыхается», «Без сознания», «Умирает», «Плохо с сердцем», «Затянувшийся приступ стенокардии». Сама всегда представлялась соседкой, «на минутку» заглянувшей к одинокой больной женщине.

Приехавшую бригаду Духанова, разумеется, встречала сама, просила измерить давление и сделать успокаивающий укол, после чего на пару часов засыпала, затем просыпалась и снова делала вызов. Рекордной стала февральская ночь этого года, когда за одну ночь было сделано семь вызовов. От настойчиво предлагаемой ей госпитализации старуха категорически отказывалась, а вызывать к ней психиатрическую бригаду было бессмысленно – те обычно не находили показаний для госпитализации, со спокойным сердцем оставляя Зинаиду Аристарховну под наблюдением районного психиатра. Лишь изредка, когда старуха начинала вместо «скорой» досаждать милиции, утверждая, что ее зарезали или ограбили, она наконец-то попадала в стационар, и жизнь шестьдесят второй подстанции на три-четыре месяца становилась чуточку легче. Чуточку, потому что кроме Духановой были и другие...

Код набирать не пришлось – подъездная дверь была гостеприимно распахнута. Кнопка седьмого этажа в лифте не работала, поэтому пришлось доехать до восьмого, а там уже спуститься этажом ниже.

Дверь открыла молодящаяся женщина лет шестидесяти в черном халате, расписанном красными и белыми иероглифами, но все равно не похожем на кимоно.

– Ну наконец-то! – выдохнула она. – Сколько же можно ждать!

– Двенадцать минут с момента вызова, – заметил Данилов, взглянув на часы. – Где больной?

– Там! – женщина махнула рукой в сторону одной из дверей.

Данилов вошел первым и увидел совсем не то, что ожидал. Впрочем, на «скорой» к неожиданностям привыкаешь быстро. На двуспальной кровати лежал и стонал мужчина, прикрытый простыней. В том месте, где полагалось быть детородному органу, простыня вздымалась ввысь, словно гора Килиманджаро посреди

Африканского континента.

Диагноз был ясен с первого взгляда – оставалось выяснить нюансы.

Данилов присел на край кровати, достал из кармана тонометр, надел манжету на предплечье страдальца, отметив при этом, как тот стонет даже при незначительном движении руки, снял с шеи стетоскоп, надел его и, накачав в манжету воздух, измерил давление, оказавшееся совершенно нормальным – сто двадцать пять на восемьдесят.

Убрав тонометр обратно, он приподнял простыню и на сей раз увидел то, что и ожидал – синюшно-багровый вздыбленный член.

– Папаверин? – на всякий случай уточнил он у смутившегося мужчины.

– Да, – негромко ответил он.

– Сколько ампул?

– Три.

– Сразу?! – не поверил Данилов.

– Нет, – мужчина попытался было отрицательно помотать головой, но тут же застонал от боли, – за ночь. В три захода.

– Ну зачем же вы так, – мягко укорил Данилов. – Сопутствующие заболевания есть?

– Нет.

– На что-нибудь еще жалуетесь?

– Нет, только на боль во всем теле.

– Это закономерно. Сами пытались как-то выйти из создавшегося положения?

– Лед прикладывал. Не помогло, – страдалец покосился на Веру, с невозмутимым видом стоявшую около раскрытого ящика с медикаментами в ожидании докторских указаний, и добавил: – Только что другое отморозил...

– Аллергия на лекарства есть?

– На пенициллины.

– Анальгин с двумя миллилитрами димедрола внутримышечно, – распорядился Данилов. – Эдуард Сергеевич, сходите за «мягкими» носилками.

«Мягкие» или, если правильно – плащевые носилки, они же – «сопли», используются в тесных помещениях и домах без грузового лифта, короче говоря, там, где с обычными носилками пройти нельзя.

– Петровича звать? – уточнил Старчинский.

– Обойдемся, – на вид госпитализируемый весил не больше, чем семьдесят килограмм. – Собирайтесь в больницу, брюки можете не надевать. Просто возьмите их с собой. И не забудьте паспорт и полис.

– А дома нельзя ничего сделать, доктор? Я заплачу.

– Разве что только отрезать, – совершенно серьезно ответил Данилов, наблюдая за тем, как ловко Вера делает укол, попросив больного слегка повернуться к ней боком. – Но потом все равно придется ехать в больницу.

– Катя! – громко позвал мужчина. – Помоги мне собраться!

Выгрузка больного из дома прошла незаметно – видимо, все соседи уже разошлись по своим делам и подъезд с прилегающими окрестностями был безлюден. Зато в приемном отделении больницы пациент с приапизмом произвел такой фурор, что Данилов на свой страх и риск запихнул каталку в свободную смотровую, не дожидаясь указаний больничного персонала, и отправился на поиски дежурного по приемному врачу. У «тела» остались Вера и Эдик.

Доктор нашелся прямо в коридоре, возле туалета, где он беседовал с пожилым мужчиной восточной наружности. При появлении Данилова беседа тут же закончилась рукопожатием, после которого правая рука доктора на секунду сунулась в карман, явно пряча полученное.

Минутой позже Данилов нажал на наладоннике кнопку, извещая диспетчера о том, что он освободился, после чего сразу же был послан в «узбекскую гостиницу» у станции метро «Рязанский проспект».

С этим местом у Данилова были связаны самые плохие воспоминания. Именно здесь, в здании гостиницы, некогда принадлежавшей Академии наук Узбекской ССР, молодой доктор Данилов получил на вызове по голове обрезком водопроводной трубы от впавшего в психоз эпилептика-китайца, к которому соотечественники, проживавшие в том же номере, вызвали «скорую помощь». Повод был стандартным и не вызывал опасений – «мужчина тридцать лет, болит живот». Данилов (он в тот день работал один, без фельдшера) нашел нужный номер, постучался, дверь тут же распахнулась и... больше он ничего не помнил.

Из нейрохирургического отделения сто пятнадцатой больницы он вышел через месяц с противным диагнозом «Посттравматическая энцефалопатия» и памятью о произошедшем в виде мучительных головных болей, возникающих как по любой пустяковой причине, так и без таковой.

Таблетки и уколы снимали боль плохо.

– Что вы хотите? – разводили руками невропатологи. – Скажите спасибо, что не стали идиотом. После тако-о-ой травмы, – глаза всех невропатологов в этом месте становились круглыми, – головные боли – это пустяк.

Данилов обязательно сказал бы незнакомому китайцу спасибо, но тот, убоявшись последствий своего поступка, сбежал и пропал навсегда. Редкие встречи с сотрудниками милиции постепенно сошли на нет. Удалось установить лишь то, что пресловутый китаец страдал припадками, по описанию похожими на эпилептические, и что в тот злосчастный день он перенес очередной припадок, после которого «стал странно себя вести».

На полученную страховку (все врачи «скорой помощи» в обязательном порядке застрахованы от несчастных случаев) Данилов купил крутые кроссовки, чтобы

бегать по утрам и тем самым поправлять пошатнувшееся здоровье, но если работаешь на «скорой» на полторы ставки с графиком – «сутки через двое», то бегать, в сущности, нет времени. В день выхода на сутки утомляться рано поутру глупо – надо беречь силы для работы, после суток уж совсем не до бега – выспаться бы, а в единственный «нормальный» выходной между двумя дежурствами, когда ты выспался и пришел в себя, бегать почему-то совершенно не хочется.

Кроссовки, впрочем,годились на работе. Удобные, легкие, ноги в них не уставали совершенно. Оценив преимущества подобной обуви, доктор Данилов забыл про собственное, вынесенное из института убеждение, гласящее, что доктор всегда должен быть в костюме, при галстуке и в обуви классического фасона и непременно черного цвета. К ужасу матери (которая ужасалась всему, что шло вразрез с ее мнением) он начал носить кроссовки, джинсы, спортивные рубашки и просторные бесформенные свитера.

– Ты так опустился на этой своей «скорой», Володя, – качала головой Светлана Викторовна. – Брал бы пример с Игоря...

Игорь Полянский, друг и однокурсник Данилова, после института пошел по научной стезе, предусмотрительно выбрав такую коммерчески перспективную отрасль, как микробиология. Быстро накатал диссертацию о нюансах жизнедеятельности молочнокислых бактерий, был замечен и в итоге осел на одной из кафедр Института Питания.

То ли в шутку, то ли всерьез, Игорь утверждал, что предпочитает иметь дело с микробами, а не с людьми, потому что микробы всегда молчат. Данилов же считал иначе. В сонной лабораторной тишине он не смог бы выдержать и одной недели.

На сей раз «подскочило» давление у одного из гостей столицы, бизнесмена из Саратова. В благодарность за быстрое приведение в нормальное состояние, Данилов получил роскошную визитную карточку, выполненную в виде золотой гравированной таблички и настойчивое предложение «приобрести по дармовой цене земельный участок на берегу Волги».

– И соседи хорошие, – бубнил оклемавшийся бизнесмен в спину уходящему Данилову, – чиновники городской администрации, несколько генералов,

прокурор... – соглашайтесь.

– Спасибо, мы подумаем, – вежливо ответил Данилов.

От предложения на версту разило мошенничеством, к тому же участок в Саратове никому не был нужен.

– Формовская пятьдесят два, второй подъезд, женщина, девятнадцать, болит живот, – озвучил Данилов следующий вызов.

– Аппендицит или внематочная, – уверенно заявил Петрович.

– Молчи, Кассандра! – ответил Данилов.

Дверь открылась без звонка, стоило только Данилову и Вере подойти к ней.

– Как быстро! – восхитилась девушка лет двадцати, запахнутая в длинный, до пола, махровый халат.

– К себе вызывали? – осведомился Данилов, заходя в квартиру.

– К подруге, – ответила девушка.

Моя руки в ванной комнате, Данилов поразился ее убогости. Облезшая наполовину масляная краска на стенах, доисторические ванная и раковина в потеках ржавчины и чего-то черного, похожего на обычную грязь.

«Наркоманки, – подумал Данилов. – Или просто неряхи, живущие в съемной квартире».

Больная лежала на диване, попеременно поглаживая живот обеими руками. Джинсы были расстегнуты и спущены, футболка задрана кверху, выставляя напоказ небольшие крепкие груди со втянутыми сосками.

– Что вас беспокоит? – Данилов присел на краешек дивана.

- Неприятное ощущение в животе, - ответила страдальца.

- Какое именно ощущение? Боль? Жжение? Колика?

- Нет, - девушка отрицательно помотала головой. - Ощущение... Ну, доктор, знаете как это бывает?

- Не знаю, - честно признался Данилов. - А поконкретнее вы объяснить можете или нет?

- Но я же не врач! - обиделась пациентка. - Это вы должны мне объяснить, что я чувствую!

- Вот именно! - поддакнула подруга, стоявшая за спиной у Данилова.

- Попробую, - Данилов приступил к осмотру. - Снимите майку и джинсы!

- Трусы тоже? - осведомилась пациентка, послушно выполняя распоряжение.

- Трусы пока можно оставить, - разрешил Данилов.

Зрачки у девушки оказались нормальными, не суженными, следов от инъекций не было нигде - ни на руках, ни на ногах. Ногам, будучи по работе хорошо знакомым с наркоманскими повадками, Данилов уделил особое внимание, так как многие наркоманы, желая скрыть свое пагубное пристрастие, делали инъекции в разные места на ногах, гордо демонстрируя окружающим чистые, без малейших следов инъекций, руки.

Живот был мягким и совершенно безболезненным при пальпации.

- Где тут ваше ощущение? - спросил Данилов.

- Оно везде, - ответила пациентка.

- Месячные давно были?

- Позавчера закончились.

- А что вы сейчас чувствуете?

- Щекотку! - призналась пациентка.

- Сдается мне, что вы здоровы, - сказал Данилов, закончив осмотр. - Но я, как и все люди, могу ошибаться, недооценивая глубину и тяжесть ваших замечательных ощущений. Так что, ради нашего общего спокойствия, можно проехаться до больницы, там вас понаблюдают в течение суток и, если потребуется, окажут помощь.

- В больницу страшно! - высказалась подруга. - Лучше пусть пока дома полежит.

- Пусть, - согласился Данилов. - Ощущения могут пройти сами собой.

- Кажется, они уже прошли, - улыбнулась пациентка. - Точно - прошли!

Она пошлепала себя по животу.

- Здорово! Вы доктор - чудесник! Спасибо вам! Я могу встать?

- Вы можете делать все, что вам захочется, - разрешил Данилов. - Только «скорую» больше не вызывайте, ладно?

- Зачем вызывать? - пожала плечами исцелившаяся. - Ведь вы меня вылечили!

Выйдя из квартиры, Вера прошептала:

- Можно было бы и психбригаду вызвать.

- Какой повод? - тоже шепотом спросил Данилов. - Если даже она не в себе, то ничего опасного для себя или общества пока не делает.

- Сейчас еще к какому-нибудь дураку поедем, - Вера перехватила ящик в другую руку. - Закон парных случаев.

– Лучше бы он на зарплату распространялся, твой закон парных случаев, – ответил Данилов.

Следующим пациентом оказался самоубийца-симулянт – молодой парень, который, поругавшись с родителями, аккуратно поцарапал себе оба запястья, изображая готовность настоять на своем даже ценой собственной жизни.

К приезду бригады кровь на царапинах уже успела свернуться.

– Ах, мальчик чуть не истек кровью! – намекая на то, что ждать помощи пришлось бесконечно долго, причитала толстая родительница, то и дело поднося платок к покрасневшим глазам. – Еще бы чуть-чуть...

– Еще бы чуть-чуть, и эти царапины зажили бы, – dokonчил начатую ею фразу Данилов, разглядывая «мальчика» – тощего нескладного юношу, с длинными сальными волосами, неопрятной щетиной на лице и маленькими бегающими глазками.

Зрачки у него были размером с булавочную головку.

– Наркотики принимаете? – не то спрашивая, не то утверждая, произнес Данилов.

Парень молча отрицательно помотал головой, мать выдавила из себя деланно – негодующее «Ну что вы!», а отец, до тех пор сидевший в ногах сыновней постели, возмутился:

– Вы приехали, чтобы оказать помощь или издеваться?!

– Чтобы оказать помощь, – поспешно подтвердил Данилов, чутьем угадав в отце скандалиста по призванию. – Просто положено, при попытке самоубийства интересоваться...

Ложь прилась кстати – родители больного тут же успокоились, убедив себя в том, что им удалось скрыть свою беду от посторонних.

– Вера, наложите, пожалуйста, повязку, а вы, молодой человек, собирайтесь в стационар.

– Он никуда не поедет! – хором сказали оба родителя.

– Я все равно жить не буду! – добавил сын, морщась от перекиси, которой Вера обрабатывала его раны.

– По существующему положению, все суицидальные попытки подлежат неременной госпитализации в психосоматическое отделение для стационарного лечения, – объяснил Данилов, больше обращаясь к матери пациента. – Это обусловлено необходимостью предотвращения повторных попыток. Кстати, ваш сын только что заявил о том, что он не отказался от своего решения.

– А я никуда не поеду!

– Поедешь! – рявкнула мать. – А будешь упираться – я тебя на руках в машину отнесу! Связанного!..

Психосоматических отделений в Москве немного. Несостоявшегося самоубийцу пришлось везти в Первую градскую, через пол-Москвы. По дороге мать, не переставая, честила свое чадо на чем свет стоит и надоела всем так, что, едва избавившись от нее и ее сына, Вера вздохнула и сказала:

– У такой мамы и колоться начнешь, и вены резать.

– Он пока еще «колесами» балуется, – обронил Данилов, – руки чистые, без следов.

– А у нас на курсе один парень в вены яичка кололся, – поведал Эдик. – Удобно и место невидное.

– Тогда откуда ты знаешь? – поддела его Вера, с каждым дежурством проявлявшая все больше интереса к симпатичному стажеру. – Вместе кололись.

– Нет, ну что вы, – уши Эдика зарделись. – Его декан в туалете застукал.

- А декан тоже уколоться зашел? - заржал Петрович.

Эдик замолчал, не желая давать больше поводов для насмешек.

- Привыкай, - посоветовал ему Данилов. - Это - «скорая помощь», где шутник на зубоскале сидит и юмористом погоняет. Тебя еще не разыгрывали ни разу?

- Нет.

- Значит, все у тебя впереди...

На подстанцию удалось заехать только в шестом часу вечера, когда никого из начальства уже не было - ни заведующей, ни старшего врача, ни старшего фельдшера.

- Что тут было! - увидев входящего в диспетчерскую Данилова, начала диспетчер Валя Санникова. - Выговоры сыпались градом, молнии летели в разные стороны, Лжедмитрия чуть кондратий не хватил!

- С чего бы так?

- Огрёб неполное служебное соответствие. И вдобавок выговор за ослабление контроля.

- А кто еще пострадал?

Данилов протянул Вале заполненные карты вызовов. Он предпочитал писать их в машине, на ходу, чтобы не заниматься писаниной поутру на подстанции. Диспетчеры это ценили - им было важно, чтобы карты вызовов сдавались вовремя.

- Язов и Сорокин получили за отсутствие комплекта чистого белья в машине, Петров и Саркисян - за неработающий «ан восемь», Рябчиков и Кокс - за неполностью укомплектованный ящик, а Жгутиков - за выезд на вызов без наладонника.

- Опять в туалете забыл?

- Естественно! Пришлось возвращаться с полдороги. Хоть на вызов и не опоздали, на Ферганский бульвар был вызов, но выговор Артем Иванович получил.

- Расстроился, наверное?

- А то! Запыхтел и сказал, что уйдет работать в поликлинику. Короче, Вова, вам с Верой повезло - вовремя удалось смыться.

- Предопределенное - неизбежно, - пошутил Данилов. - Мой выговор от меня никуда не денется.

- Ну и свезло нам, - покачала аккуратно уложенной прической Валя.

Будучи диспетчером, сутки проводящим в помещении подстанции, она могла позволить себе подобную роскошь - на линии прически выдерживали недолго. Ветер, теснота и все такое прочее.

- Пойду сделаю пробную яйцекладку...

В переводе на обычный язык Данилов сообщил, что не прочь чуток вздремнуть в паузе между вызовами.

- Попробуй, - сказала Валя, а ее напарница Лена Котик оторвалась от компьютерного монитора и елеиным голоском спросила:

- Владимир Александрович, а правда, что вас планируют назначить вместо Кочергина?

- Впервые слышу, - опешил Данилов. - Откуда такие новости?

- Ну ведь вы же в хороших отношениях с новой заведующей, - протянула Котик, - все знают, что вы вместе учились и не только...

«Как они узнали? – изумился Данилов. – Неужели Елена принародно пускалась в воспоминания? На нее непохоже».

На самом деле, Новицкая не пускалась ни в какие воспоминания. В первый день ее работы в новой должности она попросила старшего врача заочно представить ей сотрудников подстанции. Когда дошли до Данилова, Елена Сергеевна сказала:

– Доктора Данилова можно пропустить, Дмитрий Александрович, мы вместе учились, и я хорошо его знаю.

– Хорошо, – ответил Лжедмитрий и перешел к доктору Пыжненко, толстой невозмутимой врачихе из Таганрога.

Разумеется, сразу же по окончании представления Дмитрий Александрович поспешил разнести по подстанции новость, изрядно ее приукрасив, и – совершенно неожиданно – попал в цель. Его ложь случайно оказалась сильно похожей на правду.

– Я действительно учился вместе с Еленой Сергеевной с первого курса по пятый. К пятому курсу она вышла замуж и вскоре взяла академический отпуск по беременности. С тех пор мы с ней не виделись...

– Какой ужас! – Котик закатила глаза кверху.

Данилов почувствовал хорошо знакомую пульсацию в висках. Чтобы не сказать дуре Котик какую-нибудь грубость, он поспешил уйти из диспетчерской в комнату отдыха, где в одиночестве скучал доктор Саркисян.

Обрадовавшись приходу Данилова, он попытался обсудить с ним новости:

– Вова, представляешь – мне дали выговор! За какую-то совершенно незаметную утечку закиси азота!

– Стрдание очищает душу, Артур, – Данилов уселся в кресло и прикрыл глаза.

Саркисян понял, что разговора не получится, и затих в ожидании новой жертвы...

По окончании утренней конференции заведующая встала, нашла взглядом утомленного дежурством Данилова и попросила:

– Владимир Александрович, загляните, пожалуйста ко мне. Прямо сейчас.

«Ну теперь нас точно произведут в любовники», – подумал Данилов.

Кабинет заведующего подстанцией преобразился. Чистота, порядок, кактус на подоконнике. Перехватив взгляд Данилова, Новицкая улыбнулась:

– Кактусы всегда были моей слабостью.

– Я помню, – отозвался Данилов.

– А что ты еще помнишь? – заведующая уселась за стол и жестом указала Данилову на один из четырех свободных стульев, протянувшихся в ряд вдоль стены.

При Тюленькове стулья обычно стояли в центре кабинета или у стола. На одном из них обычно висел пиджак хозяина, на другом – лежали папки с документами, на третьем – фармацевтический справочник, на четвертом – еще что-нибудь.

Данилов сел и выжидательно посмотрел на начальницу.

– Что ты еще помнишь? – повторила свой вопрос та.

– Елена Сергеевна, дежурство выдалось утомительным, но скучным, – глядя прямо в ее зеленые с искорками глаза, ответил Данилов. – Вспомнить нечего. Разве что вся подстанция обсуждает наши с вами мнимые взаимоотношения и прочит мне место старшего врача.

– А из вас мог выйти неплохой старший врач, Владимир Александрович, – принимая вызов, перешла на «вы» Новицкая.

– Наверяд ли, – ответил Данилов. – Я не люблю поучать людей.

Глава третья. Заговор

На подстанции – чрезвычайное происшествие. Авария. Машина четырнадцатой бригады перевернулась на повороте, возвращаясь с последнего вызова на подстанцию. За рулем был «чужой», подменный водитель, присланный вместо заболевшего бригадира Терещенко.

Бригадиров среди водителей трое – по одному на каждую смену. Работают бригадиры только на суточных бригадах.

Вообще-то «скорая помощь» – это не одна, а две разные организации «в одном флаконе». Дело в том, что у всех прочих экстренных служб – у пожарных, у милиции, у спасателей, автомобили собственные, принадлежащие той же организации. Автомобили московской «скорой помощи» принадлежат не станции, а автобазе «Моссанавтотранс», которая находится в Филях. Этой автобазе принадлежит вообще весь государственный санитарный транспорт в столице. Медицинские учреждения берут у нее в аренду автомобили вместе с водителями. Разумеется – за деньги. Автобаза ежемесячно выставляет станции скорой и неотложной помощи счет и станция оплачивает аренду.

Машина перевернулась по вине водителя, так что с аварией предстоит разбираться автобазе – это ее ЧП. Подстанция в который уже раз слушает рассказ доктора Сафонова и радуется, что с бригадой ничего не случилось.

– Представляете – плавно так легли на бок и, вращаясь юлой, еще метров сто по асфальту проскрежетали! – захлеб рассказывает в диспетчерской Сафонов.

Сначала метров было двадцать, потом стало пятьдесят, а теперь уже сто. Фантазия Сафонова не знает границ. Он вразвалочку сидит на стуле и делится с товарищами пережитым.

– Я чуть ящиком по голове не получил! Слава богу – обошлось.

– А вылезали как? – интересуется фельдшер Лена Еременко, не слышавшая еще эту историю.

– Мы с Коксом через задние двери, а наш «раллист» через свою. Завалились же на правый бок.

– Виталь, ты ему хоть по морде разок успел съездить? – спрашивает доктор Могила. – Я бы не удержался.

– Какое там – по морде! – машет рукой Сафонов. – Нас снимали со всех сторон. Мы даже обалдели. Вылезаем со Стасиком и видим вокруг лес рук с мобильниками. Человек двадцать, не меньше, столпилось вокруг и фотографировали. Толкались, спорили, ракурсы выбирали, но ни одна собака не поинтересовалась: «Может помочь чем-нибудь?»

– А я решил подшутить, – говорит фельдшер Стасик Кокс, богатством фантазии превосходящий Сафонова. – Ломанулся от машины, вроде как в панике, и ору: «Спасайся, Виталь Иваныч, у портативной рентгенустановки контейнер с ураном треснул! Сейчас облучимся! А-а-а!» Всех фотографов словно волной смыло. Вместе с идиотом водителем.

– Наверное, он задумался за рулем! – многозначительно произносит доктор Жгутиков и под дружный смех коллег покидает диспетчерскую.

– Артемушка опять на вызове начудил, – говорит Еременко, убедившись, что в диспетчерской нет старшего врача, обожающего подкрасться потихоньку и слушать разговоры сотрудников. – Могут и жалобу написать.

– Опять женщину с больным животом полтора часа осматривал? – Сафонов недоволен тем, что вниманием аудитории пытается завладеть кто-то другой.

Артем Иванович Жгутиков – старый холостяк. В Твери у него осталась мама, звонящая ему на мобильный по десять раз на дню. Мама напоминает сыну, чтобы тот не забыл зонт, не забыл поесть, не забыл надеть шапку, не забыл выключить утюг, не забыл завести будильник... Про наладонник мама не напоминает, и

поэтому Жгутиков то и дело забывает его, преимущественно в туалете. К этому уже все привыкли.

Артем Иванович сносно разбирается в медицине, не пьет спиртного, не курит и отличается поразительной невозмутимостью и редкостным миролюбием. Никто на подстанции за пять лет не видел его в раздражении или гневе. Самые скандальные больные утихают, когда Артем Иванович советует им «попить водички мелкими глоточками», чтобы успокоиться.

У доктора Жгутикова всего один недостаток – тяга к длительному осмотру и ощупыванию молодых женщин. Столь интенсивное внимание никогда не влечет за собой никакого продолжения. Артем Иванович живет по принципу – натешился и забыл. Но тешится он долго. Водители, привезя доктора Жгутикова на вызов с поводом «женщина тридцать лет, болит живот», усаживаются в своем кресле поудобнее и закрывают глаза в предвкушении полутора, а то и двухчасового сна. То, что норма времени на обслуживание обычного, ничем не осложненного вызова, равна сорока минутам, доктора Жгутикова не волнует совершенно. «Все люди разные, – терпеливо объясняет он старшему врачу, – у некоторых сбор анамнеза проходит очень долго. Буквально клещами приходится вытаскивать сведения».

– Хуже, – Еременко понижает голос. – Сейчас были на детском вызове...

– Мальчик два месяца, температура тридцать девять? – уточняет диспетчер Сиротина. – Ташкентский бульвар, дом восемнадцать?

– Да-да.

– Там повтор. Пятая бригада с шестьдесят четвертой поехала.

Пятая бригада – педиатрическая. Детские вызовы – ее хлеб, ее профиль. Правда, педиатров на всех детей не хватает, и тогда вместо них на детские вызовы едут обычные линейные врачи.

– Короче – приезжаем мы на вызов. Открывает нам дверь мамочка. Такая вся из себя фигуристая и аппетитная, – Еременко руками показывает впечатляющий размер форм молодой матери. – Все так из халатика и норовит вывалиться. Артем Иваныч как увидел ее, так сразу покраснел, запыхтел и говорит:

«Учитывая, что ребенку два месяца, вначале я должен осмотреть мать. Вдруг у вас какая-нибудь инфекция...»

- Юморист! - вздыхает Люся Сиротина.

Люся - землячка Жгутикова и оттого считает себя обязанной покровительствовать ему. Старается выгородить перед начальством, угощает пирожками собственной выпечки, одалживает небольшие суммы денег, которые Жгутиков исправно возвращает. Артем Иванович принимает ее заботу, как должное. Он привык к тому, что о нем кто-то постоянно заботится.

- Крутил-вертел он ее битый час! - продолжает Еременко. - Ощупал все, что только можно и что нельзя. Натешил душу и говорит мне: «Пойдемте, Елена Викторовна». Я встаю, подхватываю ящик и иду к дверям.

- А что мамочка? - спрашивает Сафонов.

- А мамочка удивляется: «Разве вы, доктор, ребенка смотреть не станете?» Артем Иванович ей отвечает: «Нет, не станем. Мы вообще-то «взрослая» «скорая помощь». К ребенку вызывайте детскую».

- Так и не посмотрел младенца?! - ахает Сиротина.

- Так и не посмотрел, - подтверждает Еременко. - Я ему в лифте замечание сделала, так он стал утверждать, что вызов к мамаше был, пока повод в наладоннике не посмотрел. Замкнуло его при виде женских прелестей.

- Так можно было вернуться, - замечает Кокс.

- Не захотел, - разводит руками Еременко. - Да и что ему там делать? Опять мамочку щупать? Педиатры поехали - и ладно.

- Если они эту историю услышат в мамочкином исполнении, да стукнут на Центр... - Сафонов многозначительно округляет глаза.

- Дадут еще один выговор, - машет рукой Лена. - Этим нашего Жгутикова не проймешь. Он вообще хочет уйти в поликлинику работать, там спокойнее.

- Зато не так интересно - к терапевту одни старухи ходят, - шутит Стасик...

Пока свободные бригады обменивались новостями в диспетчерской, в крошечном кабинетике старшего фельдшера шло тайное совещание с участием самой хозяйки, старшего врача и выездного врача Людмилы Рогачевской.

На повестке дня стоял всего один вопрос: «Что делать?»

- Проверкой ящиков и машин она не ограничится, поверьте мне, - Казначеева говорила еле слышно. - Это такая стерва! На шестьдесят четвертой до сих пор не нарадуются, что избавились от нее. Въедливая, настырная...

- Чего вы хотите, Надежда Константиновна, девушка делает карьеру. На кого еще надеяться матери-одиночке, как не на себя саму?

Обе женщины были внешне сильно похожи друг на друга - высокие шатенки, с правильными чертами лица, с почти одинаковыми короткими стрижками. Разнились только глаза - у Рогачевской они были большими, «кукольными», а у Казначеевой прятались в глубине глазниц.

- Я тоже мать-одиночка, Людмила Георгиевна, если кто забыл. Но я же из-за этого не лезу со своим уставом в чужой монастырь. Можно подумать, что все вокруг дураки, а она одна умная. Екарный бабай!

- Бабай тут ни при чем, - оборвал Казначееву Лжедмитрий. - Хватит слов. Теперь нам надо действовать с учетом обстановки. Осторожно и аккуратно. Но - действовать, а не сидеть сложа руки. Использовать любой повод, любую возможность...

- Дима, ты надеешься, что Елена Сергеевна даст тебе повод? - усмехнулась Казначеева. - Не будь наивным - повод нужно создать.

- Пусть так, Надя! - согласился старший врач. - Предложи вариант, при котором никто бы не погорел.

- В смысле?

- Ну никому ведь не хочется ложиться грудью на амбразуру...

- Скажите пожалуйста - грудью на амбразуру, - глумливо передразнила его Казначеева. - Тебе вообще, кроме работы, на линии ничего не грозит. Это нам с Людмилой Георгиевной, если что, перед наркоконтролем придется отдуваться.

- Тьфу, тьфу, тьфу, - Рогачевская поплевала через левое плечо и одновременно постучала по деревянной столешнице.

- Надо дать вал, - продолжала Казначеева. - Чтобы посыпались жалобы от населения, чтобы линейный контроль сидел на подстанции, не вылезая, чтобы все видели, что в сравнении с Тюленьковым, Елена Сергеевна никуда не годится.

- И тогда Прыгунов заберет ее обратно, - улыбнулся Кочергин. - А я, с божьей помощью, как говорится, стану заведующим.

- Ишь, размечтался, - хмыкнула хозяйка кабинета. - Да он небось рад без памяти, что отделался от такой ведьмы! Думаешь, для чего он ее наверх продвинул? Иначе никак от нее избавиться не мог.

- Да ну? - не поверил старший врач.

- Ты людей послушай, которые с ней работали, и все поймешь...

- Значит так - жалобы от населения я обеспечу, - пообещала Рогачевская, переводя беседу в деловое русло. - Штук двадцать - тридцать, если не больше. Есть такая возможность.

Рогачевская жила рядом с подстанцией.

- Только уж постарайтесь, чтобы все жалобы шли не только из одного вашего дома, - попросила Казначеева. - Чтобы все было... красиво.

- Учите других, которые помоложе, - огрызнулась Рогачевская. - Я ведь не тупая - соображаю помаленьку.

– Ну и славно. А тебе, Дима, придется поработать над созданием определенного мнения о новой начальнице на Центре. Ты получил шершавого за сдачу – смену без проверки – устрой несколько проверок так, чтобы по их причине пошли задержки... Нет, не так. Лучше попроси, настойчиво попроси Сорокина, Бондаря и Сафонова долго и придирчиво принимать смену. Пусть «встанут» вызовы, ты вмешаешься, поднимешь шум и выставишь новую начальницу не в лучшем свете. Сам знаешь, что для Гучкова один свет в окошке – отсутствие задержек. Пустячок – а полезно. А я поговорю с Кутяевой – пусть устроит Елене Сергеевне какой-нибудь демагогический скандалец в своем репертуаре.

Ирина Кутяева происходила из крепкой своими пролетарскими устоями семьи потомственных сварщиков. Даже муж ее – и тот был сварщиком. Наследственность и среда сделали фельдшера Кутяеву стойким борцом за свои права, ущемление которых мерещилось ей постоянно. Суровый муж-сварщик находился у нее под каблуком до такой степени, что совершенно не мешал своей любимой супруге почти в открытую крутить роман с водителем Колей Селивановым. И прежний заведующий, и Лжедмитрий избегали делать Кутяевой замечания – берегли нервы и репутацию. Как-то раз линейный контролер поймал Кутяеву, в одиночку работавшую на перевозке больных, на заезде в супермаркет. Кутяева не ограничилась скандалом, устроенным контролеру прямо у машины. В тот же день она написала письменную жалобу на имя главного врача станции, в которой заявила, что контролер остановил их машину во время следования в сто пятнадцатую больницу за больным, нуждавшимся в транспортировке, и начал откровенно домогаться у нее физической близости. После категоричного отказа честной женщины контролер взъярился и устроил пакость – обвинил бригаду в самовольном заезде в магазин.

Кутяеву, вместе с водителем Селивановым, вызывали на Центр, к заместителю главного врача Сыроежкину, который пытался найти правду, устроив всем участникам инцидента очную ставку, и был сражен обилием красочных подробностей происшедшего, вываленных честной женщиной и невинным водителем. Выговора Кутяева с Селивановым так и не получили – отбазарились, отбрехали.

– Да, эта троица возражать не станет, – протянул старший врач, имея в виду докторов Бондаря и Сафонова и фельдшера Сорокина, которым он многократно «спускал грехи на тормозах» за вознаграждение в виде небольшой суммы денег или одной-двух бутылок хорошей водки.

За задержку вызова, пусть даже и по «уважительной» причине, однозначно следовал выговор, но ради сохранения хороших отношений с Кочергиным любой из трех пошел бы на это.

- И еще попробуй умыкнуть у кого-нибудь кардиограф, хотя бы у Жгутикова. Все равно целыми днями торчишь на подстанции без дела.

- И что я с ним буду делать? - удивился Лжедмитрий.

- Принесешь мне, - ответила Казначеева, - а дальше уж мое дело. Я подпорчу кое-что из оборудования в машинах и немного намудрю со списанием медикаментов.

- Тут ты мастер! - не то польстил, не то подпустил шпильку старший врач.

- А то! - Старший фельдшер игриво повела тщательно выщипанными бровями.

Шестьдесят вторая подстанция - не из больших. Всего шесть машин, из которых три полусуточные, поэтому Казначеева, будучи старшим фельдшером, спокойно справлялась и с обязанностями заведующей аптекой, причем это совмещение приносило ей куда больше выгоды, нежели «основная» должность.

В кармане у Рогачевской подал сигнал наладонник:

- Шестьдесят два - четырнадцать - вызов, четырнадцатая бригада - вызов.

Рогачевская встала, переглянулась с Казначеевой и вышла из кабинета, неслышно притворив за собой дверь.

- А как она собирается организовать такое количество жалоб? - спросил Лжедмитрий, указывая глазами на стул, на котором сидела Рогачевская, как будто и без того не было ясно о ком идет речь.

- Так у нее мать работает завучем в школе на Ферганском бульваре. Ее весь район знает, и она всех знает. Думаю, что через нее Рогачевская все и организует.

Доктор Рогачевская, женщина коммуникабельная и безотказная, подрабатывала всеми возможными путями. Госпитализировала приезжих в столичные стационары, якобы по «скорой помощи», а на самом деле – по договоренности, списывала налево и направо все, что можно было продать, пыталась «выколотить деньгу» чуть ли не на каждом вызове. Полторы ставки с выслугой лет и высшей категорией, вместе с побочными заработками порой приносили ей до ста пятидесяти тысяч в месяц, которые Рогачевская с удовольствием тратила на себя, не вылезая в свободные дни из салонов красоты и магазинов.

– Ладно, пора за работу, – Казначеева дала понять, что «совещание» окончено. – Мне кучу отчетов доделать надо.

– А мне анализом карт заняться... – Лжедмитрию не хотелось выглядеть бездельником.

– Занимайся, пока есть возможность. На линии у тебя другие дела будут.

«Сука! – подумал Дмитрий Александрович, скрывая свои мысли за искусственной улыбкой. – Сама дня на линии не работала, а туда же, угрожает...»

Надежда Казначеева действительно ни дня не работала на линии. Она пришла на «скорую» диспетчером, была замечена начальством и в скором времени из диспетчеров «поднялась» в старшие фельдшеры.

Пока нити заговора сплетались в веревку, грозящую затянуться на ее шее, Елена Сергеевна сидела в своем кабинете, разбирала бумаги, оставшиеся в ящиках стола от ее предшественника, и между делом пыталась дозвониться до своего бывшего мужа, чтобы узнать – соблаговолит ли он почтить своим присутствием день рождения их сына Никиты, которому в ближайшую субботу исполнялось одиннадцать лет.

Мобильный не отвечал, а в офисе адвокатской конторы «Новицкий и партнеры» секретарша сказала ей профессионально вежливым и безразличным голосом:

– Юрий Павлович уехал на встречу с клиентом и пока не возвращался. Как доложить о вашем звонке?

– Спасибо, никак, – поблагодарила Елена Сергеевна и время от времени позванивала на мобильный.

Прежде чем определиться с детским праздником, следовало узнать планы отца, чтобы избежать очередной серии обвинений в препятствии его встречам с сыном.

«Сам перезвонит», – Елена Сергеевна наконец отказалась от бесплодных попыток и углубилась в чтение объяснительной, написанной выездным фельдшером Еременко Е.В. на имя заведующего шестьдесят второй подстанцией Тюленькова Д.О.

«По существу обвинения меня в краже французской пудры на вызове по адресу Есенинская улица дом двадцать четыре, квартира сорок, имею сообщить следующее – никакой пудры по данному адресу я не крада».

Елену Сергеевну, как жену адвоката, пусть даже и бывшую, поразили «профессиональные» обороты речи в объяснительной «по существу обвинения», «имею сообщить следующее». Странно – откуда у фельдшера «скорой помощи» взяться такому лексикону.

Объяснительных в столе у Тюленькова хранилось много – с полсотни. Чувствовалось, что предшественник не любил «давать хода» жалобам, когда это зависело от него, и ограничивался получением объяснений, которые попросту складывал в ящик стола.

Разложив объяснительные по фамилиям, Елена Сергеевна сосчитала их и, на всякий случай, набросала на листе откидного календаря, лежавшего перед ней на столе, список:

«Д-р Сафонов – 6

Д-р Рогачевская – 5

Д-р Бондарь – 5

Д-р Пыжненко – 3

Д-р Жгутиков – 2

Д-р Могила – 1

Д-р Саркисян – 1

Д-р Грунин – 1

Ф-р Сорокин – 6

Ф-р Еременко – 4

Ф-р Кокс – 4

Ф-р Леонова – 3

Ф-р Малышков – 3

Ф-р Рябчиков – 2

Ф-р Язов – 2

Ф-р Строкова – 1».

Ей почему-то стало приятно, что в списке не оказалось доктора Данилова. Вздыхнув, она призналась себе, что ее бывший возлюбленный остался таким же хамоватым, каким и был, но кому, как не ей, было знать, что хамство у него наносное, своеобразный защитный слой. Подперев голову рукой, Елена Сергеевна ударилась, было, в воспоминания, но быстро спохватилась и принялась рвать объяснительные по две или по три на мелкие клочки и бросать в корзину для мусора. При этом она старалась думать о работе, но – безуспешно. Настырный Вовка Данилов все возвращался и возвращался в ее мысли, и она ничего не могла с этим поделать.

«Интересно – он еще играет на скрипке или нет?» – подумала она, разрывая последние листы...

Данилов продолжал на досуге играть на скрипке и не собирался бросать это занятие. Скрипка дарила ему радость и помогала расслабиться (коллега Конан-Дойль сильно ошибся, заставив Шерлока Холмса играть на скрипке для того, чтобы сосредоточиться – скрипка только успокаивает, дарит покой, для концентрации мыслей как нельзя лучше подходит барабан).

Единственным недостатком музицирования был немой, уже давно не высказываемый вслух, укор во взоре матери, когда-то, с подачи педагогов музыкальной школы, прочившей сыну блестящее будущее в музыке и грандиозную исполнительскую славу. Светлана Викторовна не сомневалась в выборе своего Володи до тех пор, пока он не сообщил ей, что намерен поступать в медицинский.

– Что там хорошего?! – заламывала руки Светлана Викторовна.

Стройная, подтянутая, безукоризненно ухоженная, она как две капли воды была похожа на голливудскую актрису Мерил Стрип и втайне, про себя, гордилась этим сходством.

– Кровь, грязь, вонь, бесконечные страдания, ночные дежурства! Почитай Вересаева, он хорошо описывал свою профессию!

Светлана Викторовна преподавала русский язык и литературу в одном из московских лицеев.

– У нас в роду вообще не было врачей!

– Твой прадед работал половым в трактире, – бестактно напомнил сын. – Что же мне теперь – в официанты идти?

– Какие официанты? Музыка – вот твое призвание!

– Музыка – это мое хобби! – отрезал сын и так посмотрел на мать, что та сразу поняла – решения своего он не изменит.

Лишь изредка, не чаще одного – двух раз в год, Светлана Викторовна позволяла себе высказать сожаление о несостоявшейся музыкальной карьере сына вслух. В ответ тот рассказывал матери о том, сколько человек и каким образом он спас от смерти за последнюю неделю, после чего тема считалась исчерпанной.

– Володя, будешь сырники на ужин? – спросила Светлана Викторовна, дождавшись, пока сын сделает паузу в игре.

– Буду! – ответил Данилов и снова вскинул смычок.

Уплетая обжигающие вкусные сырники, он вдруг сказал матери:

– А у нас новая начальница.

– Симпатичная? – улыбнулась Светлана Викторовна, в последнее время начавшая тяготиться холостым положением сына.

– Ты ее знаешь, – ответил он. – Помнишь Лену Морозову? Только теперь она Новицкая.

Предчувствие беды сжало сердце матери столь сильно, что она чуть не выпустила из рук сковородку с очередной порцией своих «фирменных» сырников.

Глава четвертая. Свобода выбора

– Тяготит однообразие, – пожаловался Эдик. – Скоро кончается моя стажировка, а сколько ситуаций еще остались неотработанными.

– В две недели всю жизнь не впихнуть, – подмигнула Вера. – Подожди, всему свое время.

– Хорошо бы сегодня не купировать отек легких угодить или к буйному психу... Ой!

Характерный звук, раздавшийся в салоне, позволил Данилову предположить со стопроцентной вероятностью, что Вера, привстав со своего вращающегося кресла, отвесила невоздержанному на язык стажеру подзатыльник.

Оборачиваться, чтобы убедиться в своей правоте, ему не хотелось – тело, утомленное десятичасовым служением обществу, наслаждалось недолгим покоем и не желало совершать никаких движений.

– Настанет день – и ты выйдешь на работу полноправным выездным врачом «скорой помощи», – не меняя положения, громко сказал Данилов. – И вот тогда мы с Верой накаркаем тебе такую «веселую» смену, что мало не покажется.

– Уж постараемся, – пообещала Вера.

– И что вы прицепились к человеку! – вступился за Эдика Петрович. – Правильно он говорит – учиться во время стажировки надо, иначе для чего стажировка эта нужна?

– Вот и я об этом, – обрадовался Эдик. – А вы сразу...

– Петрович вступает за тебя не от чистого сердца, – пояснил Данилов, – дело в том, что у водителей и у медиков разные понятия о трудном вызове. Для нас, например, госпитализация больного с переломом ноги в больницу на другом конце города – просто праздник. Обезболил, наложил шину и спи – отдыхай. Два, если не три часа туда и столько же обратно. По любому лучше в машине дремать, чем по подъездам бегать. А для водителей такой вызов – сплошной геморрой.

– Это точно, – подтвердил Петрович. – Не по какому-нибудь Мухосранску ведь ехать – по Москве.

– Зато столь любимый вами, коллега, не купируемый отек легких, или же пятичасовое ожидание психиатров в веселой компании буйного психа, является для водителя подлинным благословением небес – спи себе в кабине или газетку почитывай. Диалектика!

– Это в Питере, говорят, хорошо водителям на «скорой», – Петрович врубил «светомузыку», пытаясь расчистить себе дорогу.

- Почему? – спросила Вера. – Нагрузки меньше? Или машин на дорогах?

- Нет, просто там ночью мосты разводят, и оттого каждая подстанция катается по своему острову, без дальних концов. Красота!

- Так в чем же дело, Петрович? – Вера не может не поддеть. – Питер ждет! Чего ты в Москве застрял?

- Ну ты сказала! – от удивления Петрович забыл выключить сирену с мигалкой, в которых уже не было нужды. – У меня здесь семья, дети, внучка, дача. Куда мне в Питер?! Да и потом – там хорошо, где нас нет.

Трель наладонника возвестила о вызове.

- Формовский проезд, одиннадцать дробь пять, третий подъезд, – сказал Данилов Петровичу, ознакомившись с информацией на экране коммуникатора.

Затем он повернулся к Эдику и спросил:

- Тебе, случайно, вещая Кассандра не родственница?

- Нет, – ответил слегка обалдевший от неожиданности Эдик.

- Псих или отек? – спросила сообразительная Вера.

- Не купируемый отек легких, Язов на себя вызывает. Светомузыку, Петрович, можно не выключать, поедем в темпе...

Пути господни неисповедимы. Выезжая на повод «посинел, задыхается» можно обнаружить на вызове бодрого старичка, которому так приспичило узнать свое артериальное давление, что пришлось вызывать скорую. И точно так же, повод «подъем АД (артериального давления)», может обернуться отеком легких, с которым не всякий фельдшер и далеко не всегда может справиться в одиночку. А так, подъем давления – типичный «фельдшерский» повод. Приехал, «уколот магнолию внутривенно», иначе говоря – ввел внутримышечно сульфат магнезии, напомнил о необходимости своевременного приема таблеток и уехал с чистой совестью.

По самым оптимистичным предположениям, до Формовского было не меньше десяти минут езды.

- Эдуард, а почему ты пришел на «скорую»? - обернулся в салон Данилов. - Чему ты улыбаешься?

- Есть такой фильм «Всадник по имени «Смерть», - пояснил Эдик. - Там герои постоянно спрашивают друг дружку: «Почему вы пошли в террор»?

- И все же?

- Трудно сказать... - замялся Старчинский. - Работа живая, результат видишь сразу, это приятно... Писанины мало...

- Зато носилки таскать приходится, - добавил Данилов.

- Это проще, да и разминка всегда нужна. И - работа суточная, свободного времени много. Сутки отработал - трое дома.

- Так не получится, - поправила Вера. - Тем, кто работает на ставку, непременно ставят в месяц несколько полусуточных дежурств - «восемь - двадцать два» или «девять - двадцать три». Владимир Александрович, помните Таню Пангину?

- Таковую не забудешь, - ответил за Данилова Петрович. - Ходячий тормоз, а не фельдшер.

- Что за Таня? - заинтересовался Эдик.

- Была у нас такая сотрудница, - начала Вера. - Фельдшер. Тупила по-черному, где только можно. Врачи от нее просто вешались - дозировки путала, повязки накладывать не умела, к аппаратуре подойти боялась... Прозвище у нее было - «Ходячий тормоз». Так вот, она опоздала на свое первое дежурство. Помню, входит она в фельдшерскую к самому концу «пятиминутки» и на удивленный взгляд заведующего отвечает: «Разве я опоздала? Сейчас восемь двадцать, еще две минуты до начала смены». Не просекла, что «восемь - двадцать два» означает начало и конец смены.

– А помнишь, как она у Федулаева спросила, глядя на рану: «Это мышцы или мясо»?

– Ничего себе! – помотал лохматой башкой Эдик. – Как же ее на «скорую» взяли?

– Чем-то приглянулась Сыроежкину, – фыркнула Вера, отрицательно относящаяся к любому начальству за исключением Данилова. – Он любит таких – послушных, приторно вежливых и соглашающихся с каждым его словом.

– А мы с ним друг другу не понравились, – сказал Эдик.

– Бывает, – Данилов вспомнил, как сам устраивался на «скорую». – Что не поделили?

– Я, по его мнению, слишком долго читал трудовой договор, прежде чем подписать, – ответил Эдик. – Он даже слегка нервничать начал, про очередь у кабинета вспомнил.

– А ты чего? – поторопила рассказчика Вера.

– Ничего – сказал, что в институте учили читать то, что подписываешь. Он ответил, что навряд ли из меня получится хороший выездной врач, а я сказал, что на худой конец устроюсь куда-нибудь заведовать кадрами.

– Так и сказал? – не поверил Данилов, а Вера только ахнула.

– Да, – скромно подтвердил Эдик.

– Наш человек! – в приливе чувств, Вера хлопнула стажера по плечу.

Тот слегка поморщился – хрупкая, изящная девушка, натренированная за шесть лет работы на «скорой», обладала прямо-таки недюжинной силой.

– Готовься – за первый же косяк огребешь строгий выговор с занесением в личное дело, – предупредил Данилов. – Сыроежкин злопамятен, как кардинал Ришелье.

– От судьбы не уйдешь, – махнул рукой Эдик. – А у вас, Владимир Александрович, выговоры были?

– Семь штук, – ответил Данилов. – Причем, как правило, не за то, за что следовало. Например, первый свой выговор я получил за то, что у меня в машине были посторонние.

– Пассажира подвезли?

– Нет, отвез старичка с нестабильной стенокардией в госпиталь инвалидов войны, причем не в наш, а в тот, что в Медведково. Дедушка без жены ехать наотрез отказывался, а что ей было в госпитале делать, после того как я ее мужа в реанимацию сдал? В два часа ночи? Ну, мы ее обратно и прихватили – все равно по пути.

– Помню, – вмешался Петрович. – Ночью дернул меня черт поехать через город, а не по кольцу, и на Таганке, возле бывшего ресторана «Закарпатские узоры» нас линейный контроль и тормознул. Посторонний в салоне – всем по шапке, то есть по выговору.

– Благими намерениями... – вздохнул Данилов.

Некоторое время они ехали молча. Когда машина свернула на Формовский проезд, Вера спросила:

– Ингалятор брать?

– Естественно, – отозвался Данилов. – Язов по дури не дернет – лечить будем в полном объеме.

У подъезда стояла машина тринадцатой бригады. Длинноволосый молодой водитель Бутаков так увлеченно слушал свой любимый «хэви-метал», что не сразу заметил появления коллег.

– Ромка! Аккумулятор посадишь! – на весь двор рявкнул Петрович. – Выруби магнитолу!

Бутаков не отреагировал. Петрович нехорошо помянул его родителей, и вылез из машины на разборку, к которой его обязывала бригадирская должность...

Не купируемый отек легких – это ужас. Как для больного и его родственников, так и для врачей. Пена у рта, клокочущее дыхание, искаженное страданием, потное, холодное, синюшное лицо, умоляющий взгляд... Хорошо еще, если у родственников достаёт ума не осыпать бригаду упреками и намеками на их профессиональную несостоятельность. В противном случае работать становится еще сложнее.

Не купированный отек легких транспортировке не подлежит, и это правильно. Куда такого в машину? Сначала надо по мере возможности стабилизировать состояние больного, а уж потом везти его в стационар.

Фельдшер Язов сработал как надо – интубировал больного, подключил его к ингалятору, установил кубитальный катетер, ввел морфий, преднизолон, мочегонные. Выслушав его краткий, толковый доклад, Данилов мотнул головой в сторону двери, отпуская Язова восвояси, и склонился над больной – толстой неопрятной старухой, не мывшейся, должно быть, с прошлого года.

Больная пока находилась в сознании, но уже не совсем адекватно оценивала обстановку. В дверях маячила соседка – невзрачная женщина неопределенного возраста. Соседка вела себя хорошо – не лезла с советами, обвинениями и причитаниями. Стояла молча и только зыркала глазами туда-сюда, смотрела, чтобы «скорая» не прихватила бы чего на память о вызове.

Данилову вспомнился Юра Меркулов, доктор с подстанции, получивший лет семь назад срок за кражу золотого обручального кольца на вызове.

Юра был парнем неплохим, но, что называется, «со странностями». Излишне обидчивым и склонным к рефлексии. В один прекрасный день у Юриной жены на Черкизовском рынке вытащили из сумочки кошелек с солидной суммой денег. Неприятно, конечно, кто спорит. Юра обиделся на весь белый свет и возжелал компенсировать потерю. Он не придумал ничего лучше, как умыкнуть на первом же вызове обручальное кольцо больной, лежавшее на тумбочке. Неопытному Юре, совершавшему кражу впервые в жизни, казалось, что он провернул дельце совершенно незаметно, но больная заметила, как доктор прячет кольцо в карман. Сразу же после убытия бригады она позвонила в милицию. Видимо, в

этот день оперативники изнемогали от безделья, потому что часом позже на подстанцию прибыли двое сотрудников в штатском и поинтересовались фамилией доктора, выехавшего в такое-то время по такому-то адресу.

Опытная Люся Сиротина поняла по обрывкам фраз, что доктора Меркулова ждут нешуточные неприятности и, улучив минуту, передала ему по радиии, что его ждут на подстанции по поводу такого-то вызова. Кто ждет, Люся в «прямом эфире» сказать не решилась, уповая на то, что Юра поймет ее и так. Коммуникаторов – наладонников на «скорой» тогда еще не было, а свой мобильный телефон Меркулов, приходя на дежурство, запирает в шкафчике, чтобы не потерять и не разбить во время дежурства.

Незадачливый вор понял диспетчера правильно и, незаметно для окружающих – водителя и фельдшера, спрятал свою добычу за обивкой правой передней дверцы.

Дождавшись Меркулова, менты затащили его в кабинет старшего врача, бесцеремонно выставив хозяина, и битых два часа обрабатывали подозреваемого, убеждая его признаться в совершении кражи. Обрабатывали уговорами, без всякого физического воздействия, и даже без угроз. Они больше напирала на то, что красть нехорошо и на то, что, выдав им краденое, гражданин доктор может с чистой совестью жить дальше. Разумеется – на свободе.

Поддавшись на уговоры, доверчивый доктор Меркулов повел оперативников к машине и при двух понятых, прихваченных из числа свободных сотрудников подстанции, торжественно выдал им кольцо. Обрадованные милиционеры тут же надели на недоумевающего Юру наручники и увезли в отделение. На свободу он вышел только через два года и на «скорую», разумеется, не вернулся. Да его и не взяли бы.

С превратностей судьбы мысли Данилова съехали на новую начальницу.

К этому времени больная была полностью готова к транспортировке. Данилов запросил место в реанимации (с учетом состояния больной на Центре дали ближайший стационар – сто пятнадцатую больницу) и на всякий случай записал в карточке данные соседки – фамилию, имя, отчество и номер квартиры. На всякий пожарный, чтобы в любой момент можно было ответить, кто остался в

квартире после отъезда хозяйки на лечение. Десять лет работы на «скорой» любого научат предусмотрительности.

– Дуй за «соплями»! – велела Эдику Вера, но, наткнувшись на укоризненный взгляд Данилова, поправилась: – Эдуард Сергеевич, принесите, пожалуйста, «мягкие» носилки.

– Вера, у тебя нет никаких шансов, – сказал Данилов, когда Эдик ушел.

– Почему?

– Потому что ты – хищница, а он не годится на роль добычи, – серьезно объяснил Данилов, перемеряя давление у больной перед транспортировкой. – Ваши отношения будут похожи на бурю в стакане. Недолгую и смешную.

– Где же девушке найти свое счастье? – Вера со вздохом потупила взор, изображая безгрешную страдальицу.

– Обрати внимание на Лешу. Он явно к тебе неравнодушен.

– Ну уж нет! – покачала головой Вера. – Одно дело съездить в выходной к нему на дачу, другое – выходить за него замуж! Как только представляю, что меня зовут Вера Могила... Бр-р-р! Оторопь берет!

– А может, он не будет настаивать, чтобы ты взяла его фамилию?

Вера не успела ответить, так как вернулся с носилками Эдик.

– Ногами вперед не выносите! – строго потребовала соседка.

– Конечно, конечно... – ответил Данилов. – Только головой!

Соседка трижды перекрестила больную.

– Я к тебе завтра загляну! – сказала она, когда больную уже выносили на лестничную площадку.

– Лучше послезавтра или через два дня, – посоветовал Данилов. – Завтра вас к ней точно не пустят, а о состоянии можно узнать по телефону. Номер знаете?

– У меня в сто пятнадцатой муж умер, – отчего то обиженно ответила соседка и с шумом захлопнула дверь, отделяющую «шестиквартирный» тамбур от лестницы и лифтов.

Разговор о женихах явно настроил Веру на игриво-романтический лад. По дороге в больницу, пользуясь тем, что Эдик и Петрович, громко спорившие по поводу сравнительных достоинств немецких автомобилей, их не слышат, она спросила у Данилова:

– Скажите по секрету, удовлетворите мое женское любопытство – вы до сих пор не женаты, потому что ждете Елену Сергеевну?

– Ну сколько можно, Вера! – рассердился Данилов, стараясь не повышать голоса. – Я не женился до сих пор только потому, что надеюсь добиться руки Ксении Собчак! А с Еленой Сергеевной мы до последней недели не виделись столько лет, что практически позабыли о существовании друг друга! Предупреждаю – еще один намек на эту тему...

– Намеков больше не будет, – перебила Данилова Вера. – И так все ясно. Вы сердитесь, значит – любите.

Данилову захотелось удушить доморощенного психолога фонендоскопом прямо здесь, в машине, а потом доставить больную в реанимацию и поехать сдаваться с повинной в ближайшее отделение. Чтобы унять нахлынувшее раздражение, он сделал несколько глубоких вдохов – выдохов. Раздражение сменилось головной болью.

«Перевестись, что ли, на другую подстанцию? – подумал Данилов. – Ездить дальше, зато спокойнее».

Данилов жил в Карачарове, около эстакады, и шестьдесят вторая подстанция была для него ближайшей. Всего каких-то пятнадцать минут езды на троллейбусе, сущие пустяки по московским меркам.

Искося поглядывая на надувшуюся Веру, преувеличенно старательно наблюдавшую за работой кислородного ингалятора и поведением больной, Данилов вдруг понял, отчего он чуть было не вышел из себя.

Слова Веры были очень похожи на те, что когда-то сказала ему Елена...

Конец четвертого курса, жаркий душный московский май, пыльный кабинет для практических занятий на кафедре общей гигиены.

Занятия уже закончились, однокурсники разбежались, а они сидели за одним столом и лихорадочно списывали конспект лекции, пропущенной еще в начале семестра. Будущих врачей держали в ежовых рукавицах. Пропустил лекцию – будь любезен предъявить ее собственноручно написанный конспект, иначе к экзамену или зачету по предмету допущен не будешь. Уважительная причина? Есть справка? Отлично, но конспект все равно покажите...

У них не было уважительной причины. Лекция шла первой парой, которую студенты Данилов и Морозова бессовестно проспали в одной постели. Соседка Елены по общежитию уехала на несколько дней домой, в Липецк, проведать тяжело заболевшую мать, и грех было не использовать такую возможность.

Влюбленные использовали возможность на всю катушку, заснув на измятой мокрой от пота простыне лишь в пятом часу утра. Разумеется, ни о каком подъеме в семь часов не могло быть и речи.

– Фу-у-у! – Данилов бросил ручку на тетрадь, откинулся на спинку стула и потряс в воздухе занемевшей от писанины рукой.

– Немного осталось, – подбодрила его Елена. – Давай, не расслабляйся.

Ее усердие показалось Данилову странным. Он вспомнил, что весь сегодняшний день подруга была скованна и малоразговорчива и решил «внести ясность».

– Ты сегодня какая-то не такая, – сказал он, привычным жестом кладя руку ей на плечо.

Мягко передернув плечом, Елена продолжила писать конспект.

Данилов подумал несколько секунд и от повторной попытки благоразумно решил воздержаться.

- Что-то случилось? – участливо спросил он.

- Может – да, может – нет, – Елена продолжала писать, не отрывая головы от двух тетрадей – своей и чужой.

- Так не бывает.

- Бывает.

- Бывает или – да, или – нет. А «может – да, может – нет» это – парадокс.

- Не парадокс, а жизнь.

- Так что же все-таки случилось, Лен?

- Для тебя – ничего!

«Какая муха ее укусила? – подумал Данилов. – Заболела, что ли?»

- А для тебя? – как можно более мягко спросил он, чувствуя, что обычно спокойная подруга находится, что называется, «на взводе».

Скандалов Данилов не любил. Отвращение к ним привила ему родная мать, предававшаяся выяснению отношений с чувством, толком и расстановкой. В рамках приличий, но с огромным энтузиазмом.

- Для меня кое-что произошло, но это только для меня! – Елена наконец-то прекратила писать и, продолжая держать ручку наготове, посмотрела на Данилова.

Взгляд ее был необычным – каким-то печальным и отстраненным.

– Ты беременна? – Данилов назвал первое пришедшее ему в голову предположение.

– Успокойся – нет! – сказала Елена и снова взялась за списывание лекции.

Если бы она просто ответила «нет», это был бы нормальный ответ, но презрительное «успокойся», звучало как оскорбление. Как вызов. Как брошенная перчатка, которую ее собеседник поспешил поднять.

– Я спокоен как никогда, – сказал он. – И этим отличаюсь кое от кого.

– Мои поздравления!

– Может быть, мы прекратим ерничать? А, Ленчик?

Упоминание ласкового варианта ее имени, которое обычно произносилось Даниловым в самые интимные моменты, против ожиданий не настроило девушку на миролюбивый лад. Напротив, она фыркнула, давая понять, что подобным образом к ней обращаться не стоит.

– Борьба за мир – дело обоюдное, – повторил Данилов любимую присказку Светланы Викторовны, вынесенную еще из социалистических времен, и продолжил прерванное занятие.

Молчание длилось до тех пор, пока Елена не закончила списывать.

Она убрала ручку и тетрадь в сумку, достала из нее карманное зеркальце, посмотрелась в него, поправила рукой воображаемый дефект прически, убрала зеркальце, посмотрела в окно, на исписанную кем-то из преподавателей грифельную доску, затем, словно только что увидев, посмотрела на Данилова и будничным тоном сказала:

– А я замуж выхожу.

– Подожди, я скоро... – невпопад ответил Данилов, торопясь поскорее расправиться с конспектом.

- Что - скоро?

- Я скоро закончу.

- И что?

- Пойдем вместе?

- Замуж?! - интонация подруги вернула Данилова из мира общей гигиены на грешную землю.

- При чем тут замуж? - искренне удивился он.

- В этом ты весь, - нахмурилась Лена. - Я сказала тебе, что выхожу замуж, а ты даже не расслышал.

- Я расслышал. Зачем ты так шутишь?

- Это не шутка.

- Это... предложение? - не успело последнее слово сорваться с губ Данилова, как он уже жалел о сказанном. Фраза, задуманная как остроумная, вышла тупой и пошлой.

- Это - информация!

- К размышлению?

- К сведению! - Лена встала. - Я пойду, а ты дописывай. Тетрадь завтра вернешь Бурчаковой. Мне хочется побыть одной...

- Ты не можешь так! - Данилов вскочил на ноги, едва не перевернув стол, за которым они сидели. - Ни с того ни с сего заявить, что ты выходишь замуж и после этого взять и уйти! Я хочу знать - почему?! За кого?! С какой стати?!

– Какая разница? – длинные, завивающиеся на концах волосы Лены заколыхались в такт движениям головы. – Ты сердисься – значит ты любишь. А для тех, кто любит совершенно неважно почему, с какой стати и за кого. Важно только одно – моим избранником оказался не ты, а другой мужчина. Все остальное так – мелочи.

– Но...

– Свобода выбора – одно из главных завоеваний демократии, – улыбнулась Лена и стуча каблучками выпорхнула из аудитории, унося с собой лучшую частичку жизни студента четвертого курса Московского Медицинского университета Владимира Данилова.

Глава пятая. Доктор едет, едет...

Больше всего на свете Данилов не любил выезжать на констатацию смерти. Мнилось ему в этом что-то неправильное, издевательское. Доктор приезжает на вызов лишь для того, чтобы подтвердить смерть человека – что может быть абсурднее?

Однако какие-то ведомственные законы и должностные инструкции запрещают тем же сотрудникам милиции или МЧС констатировать смерть. В ряде случаев это вполне обосновано, чтобы те по незнанию и неопытности не отправили бы в морг еще живого человека.

Впрочем, однокурсник Данилова Валера Беляев, избравший для себя спокойную и непыльную стезю патологоанатома, утверждал, что как минимум раз в квартал кто-то из доставленных к нему в морг покойников оживал и принимался скандалить, отвлекая сотрудников от дел, самым важным из которых являлось распитие самых разнообразных спиртных напитков.

– Все думают, что мы пьем из-за того, что имеем дело с трупами, – сказал однажды Валера. – Тяжелая работа, запахи, мысли о смерти и все такое... На самом же деле это не так. Мы пьем потому, что наша клиентура, в отличие от вашей, не препятствует этому прекрасному процессу. Наша клиентура – это

лучшие из пациентов, которые никогда не пожалуются на то, что от доктора немного веет спиртным духом.

Но какой смысл в констатации смерти на пожаре, когда от человека остается обугленная головешка, застывшая навсегда в причудливой «позе боксера» с подтянутыми к поясу ногами и вытянутыми вперед полусогнутыми руками? Происходит это вследствие посмертного сокращения мышц под действием высокой температуры. Тут и первоклассник не ошибется с констатацией, не то что взрослый мужик с погонами и служебным удостоверением.

Нет – извольте вызывать для констатации смерти врача или фельдшера. Иначе – никак.

Хорошо хоть на констатацию не пришлось долго ехать – сгорела бытовка сторожа в гаражах, находившихся напротив дома, в котором бригада Данилова купировала астматический статус у «постоянной клиентки» шестьдесят второй подстанции, сорокалетней домохозяйки, никогда не соглашающейся на госпитализацию.

– На кого я мужа с детьми оставляю, доктор, – сипела она, просяще заглядывая в глаза Данилову. – Дома перебыюсь, не впервой. Вы только облегчите мне немного...

Облегчали два с половиной часа – в довершение ко всему вены у пациентки были никудышные. Тонкие, словно ниточки и оттого «неуловимые». Вера дважды налаживала кубитальный катетер в локтевой ямке, то на правой руке, то на левой, но тонкие стенки вен лопались, образуя гематомы, подкожные кровоизлияния – болезненные синюшные шишки.

– Может в кисть? – предложил Эдик, стоявший «на подхвате» с заправленной «системой» в руках.

– Без толку, – ответил Данилов и обратился к больной, в силу своего состояния не лежавшей, а почти сидевшей на кровати: – Вы сможете минуту полежать без подушек? И по возможности не шевелясь? Я поставлю вам подключичный катетер.

Классными подключичными катетерами, удобными и надежными, которые никогда не обламывались при постановке, Данилова снабжал знакомый доктор из реанимации сто пятнадцатой больницы. Данилов когда-то госпитализировал его с катка с переломом лодыжки, так и познакомились.

Данилова совершенно не смущало то, что катетеры были краденными. Он использовал их для блага своих пациентов, никогда не позволяя себе намеков на то, что использует «собственное» снаряжение, и жил в полном согласии с совестью.

Не отнимая от лица резиновой маски, в которую из переносного ингалятора подавался кислород, больная дважды кивнула.

- Эдуард Сергеевич, «подключичнику» ставить доводилось? - спросил Данилов у стажера.

- Ну... в общем - да, - тон Эдика свидетельствовал о том, что постановка подключичного катетера еще не была отработана им как следует.

- Поможешь пациентке лечь и заодно освежишь знания.

Данилов быстро надел перчатки, протер руки ваткой, смоченной в спирте, и сказал больной:

- Пора ложиться.

Эдик переложил подушки с кровати на кресло и помог женщине лечь на спину. Данилов тем временем принял у Веры распечатанную ею упаковку с катетером, достал из нее толстую длинную иглу с проходящей внутри жесткой пластиковой нитью - проводником, подождал, пока Вера протрет йодом «операционное поле», прикинул «диспозицию» и одним, отработанным до рефлекса, движением проткнул кожу под левой ключицей больной, прошел через тонкий слой подкожной жировой клетчатки и вошел в подключичную вену. Вошел правильно, как полагается - не проткнул ее насквозь, а немного провел иглу с проводником «по вене». Из иглы начала поступать наружу темная венозная кровь.

- Класс! - восхищенно выдохнул Эдик.

– Мастерство приходит с опытом, – утешил его Данилов, извлекая иглу и надевая на торчащий наружу конец проводника катетер. – Главное – продвигать катетер вращательными движениями, а не тупо пихать его по проводнику. Вера, пластырь!

Вера подала три заранее заготовленных ею узеньких ленточки лейкопластыря, и Данилов зафиксировал ими катетер на коже больной.

Вся операция, как он и обещал, длилась не более одной минуты.

– А теперь присядем! – Данилов и Эдик помогли больной сесть, снова превратив при помощи подушек, кровать в импровизированное кресло.

Пластиковый пакет с изотоническим раствором, в который Вера при помощи шприца добавила эуфиллин, Данилов прицепил на торшер, стоявший возле кровати.

– Даем нагрузочную дозу эуфиллина из расчета пять миллиграмм на килограмм веса пациента, – пояснял он для Эдика. – Минут на пятнадцать – двадцать, судя по состоянию. Затем перейдем к поддерживающей капельной инфузии, уже с меньшей скоростью. Адреналин мы уже ввели, сейчас добавим преднизолон. Сразу две ампулы – при астматическом статусе первоначальная доза кортикостероидов непременно должна быть высокой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/andrey-shlyahov/bayki-skoroy-pomoschi-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)